

Берингово море в тот день штормило. Волны накатывались на низкий серый берег, оставляя полосы морской капусты, шелуху крабовых панцирей, полупрозрачные кляксы медуз. Метрах в ста от берега, ближе к устьям, из воды торчали нерпичьи головы с круглыми любопытными глазенками — черные, блестящие.

Где-то там, за поворотом реки Ачайваям, перебрехивались, срываясь на голодный вой, коряжские псы. Утро было прохладное, но туман быстро таял, и день ожидался роскошный.

Олег Муромцев, известный на Дальнем Востоке предприниматель, можно сказать, начинающий олигарх, шел вдоль прибоя, пачкая в песке и в гниющих водорослях дорогие английские туфли. Было тихо, ни ветерка, но море все же накатывалось на низкий и скудный берег тяжелым прибоем. Где-то там, перед горизонтом, ровное пространство воды начинало собираться складками, они бежали, изгибаясь, росли, замахивались на сушу пенными гребнями, и вот уже с глухим ударом, плеском и шипением пены падала на черный песок волна, а следом — другая, и так — от сотворения мира и до Судного дня.

Увидев человека, море принялось с ним играть, и он принял эту игру — пошел по сырому песку, где только что разбилась последняя из миллиардов волн, море накатывалось, тянулось к ногам, человек отскакивал и снова сбегал к сырой полосе. Тогда море отвлекло его криками чаек, сделало два ложных выпада слабенькими волнами, а потом вдруг ударило по ногам тяжелым, пенящимся валом. Человек засмеялся и быстро зашагал в сторону причала, отряхивая на ходу туфли, как котюра мокрые лапы.

Над причалом, давно убитым морем, болтался одинокий фонарь, и кучка цивильно одетых людей интуитивно жалась ближе к свету, даже перетаптывались в ритм болтанки желтого освещенного круга.

А прибой, старый барахольщик, продолжал трудиться, перебирать свое добро — вымытые добела доски, пластиковые бутылки, вот он вынес и оставил на песке голую куклу без головы (да уж жива ли ее маленькая хозяйка?) — потом одним движением все смыл назад и начал играть цветными камешками на границе воды и суши.

— Что, думаете — теплее под фонарем? — крикнул своим людям Олег Муромцев. — Идите сюда! Разомнетесь хоть...

Народ потянулся к шефу, вышагивали по сырой полосе прибойки, как цапли, спешили.

— Вопрос на засыпку, — быстро спросил Муромцев, когда замерзающая команда приблизилась. — Что это?

— Водоросли. Вонючие! — сказал Стас Хабаров.

— Прогоню я тебя, друг детства. Или отстраню от должности топ-менеджера. Это же йод! Думай, голова, шапку куплю!

— Так, понял! — собрался Стас. — Можно эти водоросли заготавливать, а сбывт — надо выходить на систему атомных электростанций, на Минобороны, на подводников, Чернобыль, возможно, Япония — там радиофобия, и... Пер-р-спективно!

— А это? Чья шелуха на песке? — продолжал экзамен Муромцев.

— Краб? Пятьдесят долларов килограмм. Живьем — стольник, это если на причалах Хоккайдо. Из панциря — хитин-хитозан, лекарство — до тысячи долларов за грамм. Пер-р-спективно!

— Ладно-ладно, — остановил поток сознания Муромцев. — Тихо! Летит.

Вертолет — белый, с триколором вдоль фюзеляжа и гербом Ламутского автономного округа — лихо зашел на посадку со стороны моря, срывая вихрем из-под лопастей пену с приюба.

Муромцев остался стоять на месте, только набычился, ноги расставил пошире, хотя вся его команда и даже охрана попятились под вихрем песка из-под лопастей, и пилоты, словно просчитав, кто здесь главный, посадили Ми-8 так, что Олег оказался рядом с трапом. И стоило губернаторше ступить на шаткую дюралевою ступеньку, как Муромцев просто протянул ей руку:

— Здравствуйте, Элла Апельковна! Как говорится, с приехалом, — и улыбнулся как простой русский парень.

— Ну-ну, — засмеялась губернаторша, прищулив и без того узкие коряжские глаза. — Олег Муромцев, говоришь? — И она посмотрела в сторону моря, а там, как на маневрах, стояла небольшая часть его флота — две плавбазы, с десяток больших морозильных траулеров, три танкера (красного цвета, по полярному регистру), несколько сухогрузов и стайка средних рыболовных траулеров.

— Вот, готов вложить все силы и средства в развитие Ламутского округа! — сказал весело Муромцев.

— Н-ну, пошли...

Две свиты двинулись к большой шатровой палатке, поставленной на берегу, двигались параллельно, вежливо не обгоняя друг друга.

А внутри палатки стояли накрытые столы, разлили-малина: красная икра сверкала алмазными искорками, подкопченная нерочка в нарезку светилась рубиново, отдельно огромные крабы — камчатский, синий, опилио — лежали как павшие крестonosцы на ристалище, копченый палтус в вакуумной упаковке истекал янтарным жиром, а два только что пойманных гигантских, под два метра, палтуса лежали на столе перед входом в палатку, свесив хвосты до земли.

Также на столе присутствовали маринованные грибочки — белые, подосиновики, ягода — морошка, княженика, сладкая жимолость, дымилась оленина, только что приготовленная на гриле. На отдельном столике — водка «Илья Муромец», настойки и соки с тем же названием, что намекало на фамилию босса.

— Выставка достижений народного хозяйства... Так, что ли, Муромцев? — спросила губернаторша.

— Вашего хозяйства, Элла Апельковна, — скромно сказал Олег. — Вашего! Вот здесь, кстати, мы попробовали всю эту красоту закатать в баночку, по-моему неплохо смотрится. Так сказать, глубокая переработка, это сейчас Москвой поощряется.

— Чего хочешь, Олег? — спросила губернаторша быстро.

— Работать хочу, — просто ответил он.

— Деньги у тебя есть, знаю. Много на водке зарабатываешь? Веселие Руси питие есть?

— Веселие еси... Страны Поднебеси... питие есть, извините за неловкий каламбур. Я что имею в виду? На китайский рынок вышел, а это, как говорит мой пацан-первоклассник, величина, стремящаяся к бесконечности.

— То есть моих коряжков, ты, типа, не спаиваешь? Так сколько у тебя, все-таки Олег?

— Годовой оборот где-то восемьсот тысяч...

— Долларов! Мне говорили — больше. Девятьсот. А кое-кто даже называл цифру — миллиард.

— Год на год не приходится, — вздохнул Муромцев.

— Что ж, работай. Цепляйся за берег. Водку твою пить не буду сегодня. Знаю-знаю, хорошая. Чистая водочка. Сладкая. Только мне еще с избирателями целоваться.

— Будут условия, Элла Апельковна? Какие-то особые требования?

— Будут. Поставишь мне в селе Кинкиль к путине новенький рыбообрабатывающий завод, чтобы мои коряжки — там, внутри, в белых халатах... у конвейера... Я прессу привезу, телевизионщиков, газетчиков, сама красную ленточку перережу.

— Три месяца осталось... — быстро посчитал Олег.

— Успевай! — жестко сказала губернаторша. — И еще — социалку, коммуналку и культуру в этом селе на себя возьмешь.

— Договорились, — медленно сказал Олег, продолжая считать что-то в уме. — Сделаем! Значит, Кинкиль...

Через три дня Муромцев со свитой уже шел по поселку, по его пустым улицам. Серые, обитые рубероидом дома, покосившиеся заборы (на одном из них сушилась рыжая медвежья шкура), сарай, на которых лежали перевернутые нарты. Ездовые лохматые собаки встретили чужаков оживленным лаем. На веревках полоскалось по ветру белье, на стенах домов красными гирляндами висела юкола — вяленая рыба для собак.

— Что за рыба? Юкола? Для собак, говоришь? Технолог! Кожан! — быстро спрашивал Муромцев, перепрыгивая через ямы на разбитой гусеницами вездеходов дороге.

— Да, это юкола. Вон там — кижуч, от трех до четырех долларов за килограмм, а это... да, это нерка — до семи долларов за килограмм.

— Почему не торгуют, почему элитным лососем собак кормят? На эти деньги весь поселок фирменной собачьей жратвой завалить можно, — быстро посчитал в уме Муромцев.

— Вывозить не на чем рыбу. Себе на еду берут, собак кормят. Икру — да, вывозят в город. Здесь денег нет, икра — вот местная валюта.

— По квотам для малочисленных народов рыбу ловят? — дальше любопытствовал Муромцев.

— Ну, этих квот — самим бы на зиму хватило. Браконьерят! — пожал плечами Кожан.

— А рыбинспекция? В доле?

— Здесь вся милиция и рыбинспекция в единственном числе. Михал Михалыч Зыков. Или, по-местному, Миша Лощавый. Вот, кстати, его коттедж.

— Недурственно. Такой домик под Москвой на пару миллионов американских зеленых рублей потянет.

— Он берет, конечно, свой процент от браконьерской икры... Да и свои браконьерские бригады имеет. Да только их здесь и не поймает. Уходят на нерестилища по весне на собачках, все лето шкеряют икру, солят, а вывозят зимой, когда операция «Путина» у прикомандированных ментов уже закончилась. Не поймает.

— Поймаем! — сказал уверенно Муромцев. — Еще как поймаем!

— Себе дороже будет, Олег Николаевич. До нерестилищ часа два вертолет гнать, пока найдешь, пока этого коряка из кустов за задницу вытащишь... Ну, возьмем с одного «бракуши» литров триста икры, а керосину сожжем тысяч на сто.

— А выхода нет другого, Александр Яковлевич! Они здесь через пару лет все нерестилища окончательно вырежут, нам бизнес угробят и сами ноги протянут. Сдохнут! С одной стороны, браконьеров надо ловить, с другой — предлагать такую цену, чтобы они не перекупщикам, а нам и икру, и рыбу на переработку сдавали.

Несколько минут они шли молча, потом Кожан не выдержал:

— Да, похоже попали мы здесь... Тундра!

— Олег, может, займемся чем-нибудь другим? — спросил осторожно Стас Хабаров. — Сотовая связь, нефтянка...

— А что? — удивился Муромцев. — Здесь чем плохо?

— Перестреляют нас всех здесь! Поубивают до смерти! — скорчил рожу Кожан, и было непонятно — говорит он всерьез или дурака валяет.

Так, за разговором, дошли до здания странной архитектуры — огромный деревянный дом, с нелепой высоченной остроугольной крышей и почти боярским крыльцом. Над дверями — деревянные «серп и молот». Советский терем.

— Это что за... Татлин? — удивился Муромцев.

— Поселковая администрация здесь. Прибалтийский проект.

— Ясно. Пошутили, значит, бывшие братья по соцлагерю. Звонили сюда-то? Ждет нас исполнительная власть?

— А куда ей деться? Это единственное здание, где есть тепло, своя кочегарка. Они сюда греться ходят, — буркнул Кожан.

— Чем заняты?

— Решают международные вопросы.

— Что? — остановился Муромцев и набычил коротко стриженную, седеющую голову.

— Извините. Местная администрация ждет делегацию канадских индейцев.

— А-а! Ну, пусть развлекаются. Не будем мешать, — решил Муромцев.

В конце апреля в корякском селе Кинкиль и в самом деле ждали делегацию американских индейцев. С утра зазвонил телефон, из краевой администрации сказали: «Едут!» и предупредили: «Подготовьтесь!». А тут, как на грех, небеса скурвились и все инструкторы-помощники застряли на полдороге по разлетным прибрежным аэропортам.

В поселковой администрации, прокуренной, как коптильный цех госпромхоза, заседали вторые сутки подряд. Глава районной администрации, по-американски говоря — мэр, по фамилии Мериллов, начальник милиции капитан Зыков и директор оленеводческого совхоза Тутышкин сидели, измаявшись.

Положив осторожно трубку (названивали пятый раз за день), Тутышкин поправил прокуренные пшеничные усы и сказал:

— Распорядились: думать своей головой. Думать! Не исключено, говорят, товарищи, что эти самые индейцы не только с сотрудниками краевой администрации пожалуют, а кто-то еще из Совета Федераций будет.

— Да-а... Не было печали... — в очередной раз вздохнул Мериллов и потер потную желтую лысину.

— Тэ-эк! — энергично поиграл мускулами загорелого лица капитан Зыков. — Что сделано? Оба бульдозера помойку убирают? Убирают! Самосвал я отрядил — снег возить, грязь засыпать... Может, если солнца не будет, дня три продержится... Это раз. — Заборы школьники красят? Красят! Это два. Склады открыли, дефициты достали? Достали! Это три.

— Я же сказал: «Пока ничего не продавать!» — возмутился Мерилов. — Кто распорядился?

— А никто и не продает. Но разложить товар нужно, чтобы люди к нему привыкли, — слегка снисходительно пояснил Зыков. — Это я распорядился. К тому же Сан Саныч, нехорошо: на материке в магазинах — цивилизация, а у нас — сплошной застой социализма. Одни пустые прилавки. Соль да спички. Еще вот маска для фехтования на полку прибудилась. Ее бабка Ительнаут все хотела купить — муку просеивать, да стоит дорого!

— Ладно... Чего еще-то сделано?

— Семьи Ковевтегиных и Коллеговых из землянок выселили, отправили в табун.

— И угораздило же их в мае приезжать! Ехали бы в январе — красиво, чисто, все в кухлянках, бисером расшитые...

— Ну и все! Чего еще там? — подвел итог Зыков. — Не английскую королеву встречаем. Индейцев! Их там из резервации, из-за колючей проволоки выпустили на месяц, вот и пусть радуются. Не бойсь, накормим!

— Это вы бросьте! — вмешался вдруг Тутышкин, и на него все посмотрели удивленно.

— Кто едет-то? Представители племени сиу — так, кажется. Я тут учительшу попросил литературу подобрать, почитал... Так вот, они землю свою государству американскому продали, деньги в банк положили, а на проценты колледж построили, пацанов своих трем языкам обучают: английскому, французскому и родному... суианскому. Они, которые охотники, на сезон лицензии получают, на отстрел бобров. Сейчас не помню — вроде даже по сотне штук... Да, бобер-то подороже соболя будет.

— Ты, друг мой ситцевый, что-то опять напутал! — поморщился Зыков. — Когда это бобер дороже соболя был? Я этой пушнины на материк... мешками... Двадцать лет... А ты мне здесь будешь!

— Так было написано! — упрямо сказал Тутышкин.

— Напутал ты что-то...

— А еще, говорят, у них болезнь профессиональная — глухота. От моторов всяких. Ну, чего смотрите?

— Ты, Егор Назарыч, не ихней рекламой занимайся, а о деле думай! — жестко сказал Мерилов. — Пока ты им дифирамбы пел, я пометочки на бумаге делал. Трем языкам учат? У нас тоже трем: русскому, английскому и корякскому.

— Даже — четверем. Еще — матерному, — захохотал, хлопая себя по коленям, Зыков.

— Оставь, Николай Алексеевич... Шутки ему. Техника у нас тоже есть: моторы «Буран», рации, да на одни вертолеты сотни тысяч тратим! Ты, вместо того чтобы восторгаться, выводы делал бы — урок корякского языка организовать... показательный, дать радиogramму в табун, чтобы все три «Бурана» пригнали, пусть в поселке постоят... ненавязчиво.

— Они без приводных ремней там.

— Свои ментовские ремни отдашь, Зыков! — рубит воздух рукой Мерилов.

Они замолчали, задумавшись. Слоистый дым плавал по комнате, и Тутышкин, чувствуя себя виноватым, помахал ладошкой, перемешивая его. Потом сказал:

— Видели вчера индейцев-то? Я видел. Чего вы так вылупились? Я спрашиваю — видели их вчера в новостях по телевизору? Из Якутска был репортаж. Краснокожие все, горбоносые, и мужики — с косичками. Снимают все на видео. И что интересно — бабы с ними и ребятишки в этих... в пончо.

— Ну?!

— В Магадан теперь едут.

— А как товарищи их местные встречали — не сказали?

— Если бы сказали — тогда все просто было бы!

— Праздник нужен, — поделился своей мечтой Мерилов, — в национальных традициях. «Уйкоаль» бы сюда, ансамбль наш краевой...

— Хватил! «Уйкоаль» в Париже теперь гастролирует.

— Стоп! — Мерилов даже привстал и так припечатал крепкой ладонью по столу, что телефон подскочил.

— У нас же есть этот... Кеша. Уркочан. Он же в «Уйкоале» выступал, по заграницам ездил. Где он сейчас?

— У меня в совхозе работает, — как-то странно сказал Тутышкин. — Тракторист, ну и — на вездеходе...

— Ну-ка, сюда его! Где он? В табуне? А? Зыков! Чего жмуришься?

— С Уркочаном дело особое, Михаил Ильич, — веско сказал капитан Зыков. — Он сейчас под подпиской о невыезде, возбудили уголовное дело.

— Ты чего мелешь-то? Чего вообще раскомандовался? — возмутился Мерилов, и его пухлые щеки затряслись. — Он мне нужен как... а он: «де-ело!» Тебе распоряжение из краевого центра — это так, тьфу? Освободить немедленно! Он что — пьяный был, подрался?

Зыков встал, одернул китель. Глядя перед собой, отдельно отчеканил:

— Иннокентий Уркочан задержан за браконьерский лов рыбы, а также подозревается в незаконном переходе государственной границы.

— Какой границы? Ламутского национального округа, что ли? Да сядь ты, объясни по-человечески!

Зыков сел, все еще обиженный.

— Ну, рассказывай.

— Помните, он зимой пропуск на Чукотку оформлял?

— Да, говорил — к дядьке, в Анадырь.

— Так точно, вчера из Анадыря бумага пришла — у его дядьки обнаружен иностранный винчестер. На нем клеймо: «1985 г.». Я сделал обыск у Уркочана, нашел точно такой же и два цинка патронов к нему. Спрашиваю: «Где взял?» А он мне ванечку валяет: «От дедушки Икавава наследство, еще со времен концессий...» А клеймо «1985 г.»?

— Как так? А пограничники?

— Звонил я туда. Ругаются. Собачки у них, говорят, беленькие, сами в кухлянках беленьких, в пургу через Берингов пролив по торосам — шашть! — пригнувшись, а задержат — чуть в ноги не падают: «Ай, спасип-па, нацальник, сап-сем заплудились». И что интересно — в совхоз звонить начинают, а там все местные кадры, круговая порука: «Ехал к нам, однако, сдавать пушнину, отпустите».

— Как же они, не зная языка?

— Да родственники у них там.

— Вот что, Зыков, — сказал поучительно Мерилов. — Нужно уметь извлекать пользу из любой ситуации. С «Уйкоаль» по загранице ездил? Сейчас через пролив к индейцам шастал? Значит, с иностранцами общаться умеет. Конфискуй винчестер, а самого давай сюда, потолкуем.

— Уже... конфисковано... — уронил раздельно два слова Зыков, выходя из кабинета.

Мериллов встал, открыл форточку, потом достал из тумбочки чашки и заварку.

— Однако, чай пить бут-тем, — сказал он, умело подражая местному акценту.

Тутышкин подсел к столу, потирая ладони.

— А чего его из ансамбля поперли, не рассказывал? — спросил Мериллов, когда самовар заваривал ласково.

— Да ну его! Пацан он тогда был, да и баламут к тому же, — отмахнулся Тутышкин.

— А все же! — настойчиво спросил мэр Мериллов. — Мне надо знать своих людей, как считаешь?

— В Америке он отличился. В Нью-Йорке. А может, в Чикаго. Выдали им деньги на всю поездку в валюте, где-то по сто долларов и предупредили: мол, осторожнее — преступность здесь, стащить могут. А эти доллары — портянки здоровые, не то, что наши рубли. В новые джинсы не лезут, в чемодане оставлять страшно. И что придумал хитрый коряк — в грязные носки спрятал и под койку закинул. Среди ночи с концерта приезжают: носки постираны, поглажены и записка на английском языке. Они перевели: «Благодарю за щедрые чаевые».

— Уй... уй... уй... — Мериллов смеялся, прикрыв лицо ладонью. — Он думал, как у нас: придет уборщица, окурки из углов выметет да пустые бутылки вынесет, и все! Так за это и погнали? За глупость?

— Он, Михал Ильич, скандал устроил. Я — свободный человек, кричал, я могу хранить деньги, где хочу!

— Вон, ведут этого свободного...

Они выглянули в мутное окно. По грязной улице поселка, между покосившихся домиков, мимо пустых юкольников мягкой походкой шел молодой коряк, заложив руки за спину; его, преисполненный обязанностями, конвоировал Зыков. Ветер с Охотского моря подталкивал их в спину, а с востока, со стороны тундры, вставало огромное, остывшее в море солнце.

В кабинет Уркочан вошел, морщась от дыма, остановился — стройный, высокий, черные волосы жесткой гривой падали за спину, смуглое лицо его было невозмутимо.

— Садись, Иннокентий! — предложил строго Мериллов.

— Однако, зидесь сит-теть бутем, — решает Уркочан, устраивается у стенки на корточках, ловко подвернув под себя ноги. — Здесь дыму меньше.

— Садись к столу, Кеша, тебе сказано! — прикрикнул капитан Зыков, и Кеша легко поднялся, танцующей походкой прошел к столу, легко сел и спросил хмуро, без всякого акцента:

— Зачем вызывали?

— Понимаешь, Уркочан, делегация индейцев едет. Канадских, — сказал значительно Мериллов и поднял толстый палец. — Встретить надо ваших сородичей.

Кеша сидел, скрестив руки на груди, в его смуглом лице ничего не изменилось, только тонкие ноздри вздрогнули, когда еще один слой дыма, изгибаясь, проплыл мимо его лица, к форточке.

— Нужно праздник устроить, — сбоку подсказал Тутышкин. — Или нечто необычное...

— Уркочан, это шанс для тебя загладить вину, — заметил сзади Зыков. — Но ты не думай, что такой незаменимый! Было бы сейчас другое время, лето, допустим, охота, рыбалка, шашлыки на природе, — обошлись бы без тебя.

— Охота и сейчас есть, — сказал равнодушно Кеша.

— Да какая сейчас охота! Ни гуся еще, ни утки... Куропатки пресные, как... березовые щепки.

— Медведи уже поднялись, — продолжая глядеть в окно, обронил Кеша.

— Вот, ты же все знаешь! — азартно хлопнул себя по коленкам Мерилов. — Эта мысль как-то нам в голову не пришла! Молодца! Во-первых, риск, пусть у них индейские кровя взыграют... во-вторых, мясо — нажарим из него национальных блюд, бифштексов там всяких... в-третьих, шкура, она сейчас у него аж лоснится... в-четвертых, Праздник Медведя можно устроить, это когда череп на шесте выставлял, горячую кровь пьют и кричат вот так: «Кух! Кух!»

— Ну, вот артист! — Кешу все начали трепать по плечу. — А говоришь: «Н-ня знаю!» Давай, дальше думай! Праздник нужен!

— Да зачем праздник-то? — скривил тонкие губы Кеша. — Пусть посмотрят нашу обычную жизнь.

— Ну, вот ты мне тут начинаешь, — слегка осердился Мерилов. — Жизнь, смерть... Стоп... Стоп!

Многие напрасно считали Мерилова болтуном. Конечно, иногда он заборматывался, но именно в эти минуты к нему приходили самые любопытнейшие мысли. Просто жил человек далеко от областных центров — сам себе начальник, речевой аппарат не ограничивал и за эмоциями не следил — так ведь для пользы дела! Вот и сейчас — его мягкое лицо сладостно расслабилось, глаза округлились, пшеничные усы опустились сосульками... Кеша, прищурившись из-под набухших век, внимательно следил за ним.

— Похороны... — ласково сказал Мерилов. — Корякский обряд сожжения... Экзотично, впечатляюще... как у древних греков! И пусть знают — мы тоже блюдем традиции!

— Так это... — кашлянул в кулак капитан Зыков. — Покойничек нужен.

— Я не знаю, но... бабка Ительнаут... на подходе, — осторожно подсказал Тутышкин, промокнув платочком вспотевшую лысину.

— Ну, так как, Уркочан, возьмешься организовать? — резко спросил Зыков.

— Однако, не хочу... — уже совсем закрыв узкие глаза, равнодушно ответил Кеша.

— Имей в виду, тебе две статьи корячатся. За незаконный переход границы и хранение нарезного огнестрельного оружия, — резко, не шутя, предупредил Зыков. — Лет десять намотаешь. Подумай, Уркочан. Давать ход делу или нет — это нам решать.

— Это же твой национальный обычай, — навалился на него Мерилов. — Вы же, коряки, сами упрашивали не препятствовать, не мешать... — Он говорил торпливо, все больше заражаясь своей идеей. Те, кто давно знали мэра, старались в такие минуты с ним не связываться, уже было проверено — никакие силы природы его не остановят, разве что звонок из краевой администрации.

— У нас на побережье уже лет пятнадцать не сжигали, — сказал наконец Кеша. — Я еще пацаном был, когда запрещать начали, еще тогда тайно в лес уносили, там жгли... Я видел на костровищах колокольчики обгорелые, бисер оплавленный... И все.

— Ну, вот... ну, видел... Поспрашиваешь у стариков...

— Решено! — хлопнул тяжелой ладонью по столу Мерилов. — Итак, что мы имеем? Встреча: хлеб-соль... когда от «вертолетки» до поселка поедут — сопровождаем на «Буранах» и упряжках... типа: почетный эскорт. Потом — короткий митинг, обед, посещение цеха народных промыслов и показательного урока корякского языка. Затем возем их в табуны. Егор Матвеевич, ты распорядись, кстати, чтобы поближе к поселку откочевали... Там, будто бы, на табун нападет медведь, и

надо, понятное дело, отстрелять его. Отстреливаем и устраиваем Праздник Медведя. Затем возвращаемся в поселок и там, если бог примет душу бабки Ительнаут, устраиваем национальный обряд похорон. Все! Завтра утром в этом же составе собираемся здесь. Пока там эти индейцы с чукчами общаются, мы у себя успеем подготовиться. Все, свободен, Уроччан!

Они его отпустили, и Кеша, не удивившись, пошел домой. Никто не знал, что лет десять назад в Иннокентия Уроччана вселилось другое существо, можно сказать, божок. Должно быть, он походил лицом на застывшую маску корякского идола — лица он своего не показывал, а смотрел на мир сквозь узкие Кешкины глаза, наблюдал.

Все эти пять тысяч лет, пока дрались племена и народы и расплзались по поверхности планеты материка, он бродил по Земле — то в одном поживет, то в другом поселится, — пока не нашел этого молодого коряка.

Он был мудр, этот безымянный божок всех северных людей, вечен — поэтому не знал страха, много видел, отчего давно перестал удивляться. Он пришел из тундры, где холод, голод и смерть так же естественны, как смена времен года, но даже ему была до сих пор непонятна людская жестокость, а вместе с ней непонятна человеческая природа.

Может быть, где-то в теплых краях людей можно понять — им тесно, но в тундре всегда была свобода. Но почему-то и здесь не было счастья. Чтобы понять это, тундровый божок вот уже десять лет жил в молодом коряке Уроччане.

И все это время — и на французской сцене «Олимпия», и на изломанном льду Берингова пролива, и в кабинете мэра Мерилова — смуглое гибкое тело Кешки могло лететь в праздничном танце «Норгали», или вжиматься в торосы под шарящими прожекторами, или, сжатое усилием, оставаться неподвижным, — сморщенный тундровый божок наблюдал за людьми.

Люди были уверены — это они зрители! они загонщики! они вершители судьбы! — а маленький старый идол только глаза шурил. И не было предела этому терпению — неужели за пять тысяч лет, испробовав пять разных способов существования, ты не изменился, человек? Почему?

Кешу отпустили до утра. И за это время в Кинкиле случилось сразу три несчастия. Днем, при разгрузке самоходной баржи, посыпался штабель строевого леса и задавило насмерть Колю Толмана, вечером умерла бабушка Ительнаут, а ближе к ночи на вездеходе геологов прикатил богатый турист с материка Лев Назарыч.

В маленьком поселке все — свидетели и соучастники событий, и эти три несчастия не прошли мимо Кешки. Но сперва он, отпущенный для подготовки праздника, пришел в холодный свой дом и завалился спать — нырнул в олений кукуль, зарылся с головой, быстро согрелся в его нутряном, меховом тепле, уже начал задремывать... Но тут закричала, захлебываясь плачем, соседка, тетка Анна, — он очнулся, соображая.

Хлопнула, как от пинка, калитка, и во дворе, хрустя хрустальными скорлупками изморози, зачастили шаги — так люди ходят, когда вместе несут что-то тяжелое. Он выглянул в окно — на куске брезента несли его друга Колю Толмана. Мужики — там были русские и коряки — от усердия и растерянности топтались, мешали друг другу, и от этого Колькина голова покачивалась на натянутом полотнище, словно он, мертвый, мотал головой от боли.

Кеша стоял у окна, сгорбившись. Он хорошо разглядел — снизу, под спиной друга брезент почернел и промок, и сейчас он себя уговаривал: от воды талой, не от крови, нет! — и тундровый божок сердился на него за это.

Потом Кеша торопливо оделся и пошел к соседям. Сенька уже лежал на топчане — с запрокинутой головой, оскаленными зубами. Грудь у него стала впалой, раздавленной, и от этого плечи казались удивленно-приподнятыми, словно он тоже не переставал удивляться.

Тетка Анна, исхудавшая за последнее время, совсем старая корячка, сидела у сына в ногах и тихонько выла, раскачиваясь взад-вперед. Кеша подошел — люди расступились — и поправил другу голову. А когда его ладони коснулись холодных щек покойника и он увидел узкие бельма закатившихся глаз, то выпрямился и вдруг неизвестно откуда взявшись уверенным движением поднял руку и двумя пальцами осторожно замкнул другу взгляд.

Хлопнула дверь, и в дом, согнувшись (низкая была комнатка), вошли Мерилов, Зыков и Тутышкин. Тетка Анна на минуту примолкла, глянула на них дико, а потом, измаявшись, снова уронила голову, и белые жесткие волосы закрыли ей лицо.

Начальство потопталось рядом с мертвым, покашляло сочувственно в кулаки.

— Вот, значит, как...

— Да, понимаешь ты, елки-палки...

— Старая Ивнэ, примите наши соболезнования. Совхоз полностью берет все расходы на похороны.

— Спасип-па, — еле слышно шевельнулись губы старухи.

И они отступили к выходу, скрипя половицами. И стоило им только выйти, как тетка Анна протянула иссохшие руки, прижалась головой к Кеше:

— Иннокентий...

— Все сделаю, тетка Анна, — тихо сказал Кеша, прислушиваясь к разговору под окнами.

— Во парень! Не то что бабка Ительнаут... Такого одеть в нарядную кухлянку... — а дальше не было слышно, ушли начальнички. Потом вернулись, брякнули в окно. — Уркочан, срочно зайди в контору, нужен!

В конторе Мерилов объявил:

— Завтра собирай своих коряков у конторы, будем праздник репетировать. Ну, ты знаешь — танцы-шманцы, друга своего с гитарой позови.

Утром, когда начальство отсовещалось и вышло, покуривая, на крыльцо, Кеша махнул рукой — и началось!

Тут же национальный ансамбль «Гумгутум» заколотил в бубны, девушки в цветных кухлянках закричали, подражая чайкам: «Ка-ай! Ка-ай!», парни поддерживали ритм: «У-у! А-хай-я!! У-у! А-хай-я!!» Мелькали в бешеном танце кухлянки, и вот уже сам Кеша взлетел к небесам, подбрасываемый на медвежьей шкуре и хохотал до слез, до истерики.

Потом вышел местный бард, спел свою балладу о шамане и другую, с поправкой на русское восприятие, где рифмуются коряки и собаки, каяки и балыки.

На крыльце конторы рядом с начальством, постукивая шикарными башмаками со шнуровкой, стоял незнакомый толстый мужик. Пухлая капроновая куртка — красная снаружи, синяя изнутри — была расстегнута до пупа, под ней виднелся свитер грубой вязки. На загорелой, породистой физиономии сияли лейблами солнцезащитные очки, на плече болтался кожаный кофр, как у фотографа.

Мерилов, Зыков и Тутышкин уже трясли ему по очереди руку, а он восклицал:

— А? Какая фактура! Рай, рай для киношника!

Откуда-то из-за угла вдруг вывернулись две собаченции — короткохвостые, с квадратными, щетинистыми мордами, яростно таявая, бросились на Кешу. Он, удивившись, продолжал идти, но шавки, оглядываясь на крыльцо, кидались, припадая на передние лапы.

— Майкл! Джерри! — закричал мужик в пуховке. — Назад! А? Каково? Фокстерьеры — с ними, брат, не шути! С ними — на львов! А раньше... плантаторы... — он понизил голос, и на крыльце все вежливо стали похохатывать. — Да-да, их сейчас, правда, афроамериканцами зовут...

— Вы так и путешествуете с собачками?

— А? Что? Друг человека. Дорого, черт подери, за двоих, как за полноправного гражданина, вон, как за него, платить приходится. Майкл! Джерри! Сидеть!

И псы уселись, подрагивая верхними губами, показывая острые зубки.

— Что ж мы на улице, — округло развел руками Мериллов. — Зайдем, однако, поцаюем... В смысле чаю попьем.

— Поцаюем! — захохотал мужик, и они затопали по крыльцу, махнув Кеше рукой — давай за нами. И он вошел, встал у дверей, прислонившись к стенке.

— «Уйкоаль», сказале? — гудит басом мужик. — Видел, видел их в Штатах. И, знаете, что самое забавное — местные дамочки в бинокли смотрят: «О, бьютифул, рашен фоксес!» — русские меха им больше всего понравились. Значит, ты там тоже гастролировал, артист?

— Был, — коротко ответил Кеша.

— Ну а здесь как все сделаем? Если получится удачная съемка — слава на весь бывший Союз, глядишь, на сцену вернешься. Ну, расскажи, как ты видишь этот... обряд погребения... через сожжение? — спросил киношник.

— Не знаю, — бесстрастно сказал Кеша.

— Ну и прекрасно! Чего удивляешься? Прекрасно, что не знаешь! Ты думаешь, канадские индейцы что-то про это знают? Вряд ли среди них будут этнографы. Значит, надо сделать так, чтобы это просто хорошо смотрелось.

— Вы, Лев Назарыч, прям как подарок судьбы нам, — встрял в разговор Мериллов.

— Ты мне, Кеша, общие моменты освети. У одних народов плачут, у других — радуются, когда к «верхним людям» — так кажется? — провожают. А у вас как?

— Однако, радуются мало-мало... Водка пьют — ой, как шибко! — разъяснил Кеша и еще больше прищурился.

— Радуются! — развеселился Зыков. — Я бы на их месте тоже радовался, что ухожу из этой поганой жизни.

— Так! Молодец! А боги у вас какие? — продолжил мысль киношник.

— Кутха! Ворона такая.

— Этого добра здесь навалом. А танцевать ваши люди смогут?

— Маленько смогут... Водка будет — все плясать пойдем.

— И насчет этого, я думаю, договоримся. Значит, так. Я уже вижу это. Панорама тундры, вечные снега... Печальные односельчане заходят в чисто прибранный дом бабки Ительнаут... выносят ее на носилках, сплетенных из веток кедрача, поднимаются с этим горестным грузом в гору, а чайки кричат, прощаясь... А люди спокойны и сосредоточенны. И вдруг бог Кутха, пролетая над коряжской матерью, вскрикивает и замертво падает к ней в костер! И огонь тогда вспыхивает сам по себе, и веселье начинается!

— Очень это... колоритно, — сказал, вздохнув, Мериллов. — Ну, значит, два дня на подготовку и послезавтра все воспроизводим для фильмопроизводства.

— Как — послезавтра? — удивляется Кеша. — А бабка Ительнаут?

— Все в порядке. Бабка сегодня богу душу отдала. Сразу за Толманом. Дружка твоего для индейцев побережем, полежит пока в холодильнике госпромхоза рядом с балыком, а с бабкой потренируемся, кино снимем.

— Вы мне, мужики объясните: почему у них фамилии такие разные? — спросил любознательный киношник. — Бабка Ительнаут. Звучит! Экзотика! Друг

его — Толман, похоже на английскую фамилию. А еще слышал здесь: Косыгины, Пановы живут.

— Все просто. У бабки родовое корякское имя, нехристь, стало быть. Косыгины, Пановы — их здесь целые поселки, раньше — стойбища. Крестили оптом, подходил корабль к берегу, а у них поселки в основном в устьях реки были, русские сходили на берег, сгоняли всех коряков до кучи, корабельный поп крестил, давал, как правило, фамилию капитана, — объяснил эрудированный Тутышкин.

— А Толман?

— Так тут же кого только ни побывало — и японцы, и американцы! Эти места Ленин тоже продать американцам хотел, как царь раньше Аляску.

— Вот я и говорю: по крови они невесть кто, а национальные лимиты на лосось получают как коренные жители! — поддакнул Зыков. — А я, попадись с рыбой или с икрой, так и погоня, глядишь, потеряю!

— Ладно, вернемся к нашим... корякам. Значит, понял, Иннокентий? Завтра репетируем обряд с бабкой Ительнаут. Я был у нее, успел поговорить. «Нацальник, делай как знаешь!» — вот ее слова. Родственники тоже не возражают. Вопросы есть?

Кеша молчал.

— У меня вопрос, — кашлянув, вступил капитан Зыков. — Насчет бога Кутхи. Как это он, вскрикнув, сам по себе в костер угодит?

— Ну что вы, братец! — смеется киношник. — Образа не понимаете? Главное — образ, а остальное — дело техники. Неужто у вас не найдется стрелка, что подобьет ворону влет? Будут же они над костром летать! Обязательно будут! Да вот, хотя бы наш артист. Сможешь?

— Однако, надо попробовать, — скромничая, сказал Кеша.

— Ну! Так давай, попробуй! Такое оружие тебя устроит? — Лев Назарыч кивнул в угол, где на оленьих рогах уже висела его новенькая бельгийская двустволка.

— Ет-та можна, — сказал Кеша и вдруг подмигнул им всем.

Они вышли на крыльцо. Киношник держал ружье стволами вверх, капитан Зыков страховал его сзади.

— Вон, ваши Кутхи сидят...

По старым, корявым березам черным нашествием сидели вороны, их было много, может быть, тысячи.

— Заряжено? — спросил деловито Кеша, примеряясь.

«Черное воронье, оно отличается от мудрого юконского ворона, живущего триста лет — бога Кутхи — так же, как шелудивый пес от тундрового волка», — сказал ему на ухо тундровый божок. «Знаю!» — нетерпеливо отмахнулся Кеша.

— Давайте, однако, стрельну!

— Так и дурак попадет. Ты влет попробуй! — И киношник пронзительно свистнул.

Воронье снялось с деревьев, привычно закружилось над поселком, разоряясь. Потом эта черная стая свернулась в тугую спираль, начала раскручивать ее в небе.

— Теперь стреляй! — Кешке сунули в руки «бельгийку», и он уже приложился, собираясь залепить дуплетом, как тут собачки-фокстерьеры выскочили из-под крыльца, с истерическим лаем кинулись на коряка. Кеша перехватил «бельгийку» и дважды выстрелил по ним с бедра.

Кобелишка сразу мордой в грязь ткнулся, а сучонка покрутилась еще, волоча на перебитом хребте кургузый зад.

И тут же Кешу схватили за локти, вывернули из рук оружие, сбили с ног, начали бить ногами.

— Ты! Ты!! — орал киношник, багровея. — Ты мне за всю жизнь за них не расплатишься! У них родословная богаче, чем у тебя, выроodka! Да я тебя....

Кеша вдруг вскочил, обиженно оттолкнул начальников, отошел и развел руками:

— Однако, пошто кричишь, начальник? Бедные сап-пачки, уроды. Нарту таскать не могут, на мишку ходить не могут, олешка охранять не могут. Морды страшные, квадратные... Зачем такие нужны? Убил, чтоб не мучились. Бедные... уродливые сап-пачики...

С минуту они молчали, продолжая бешено глядеть на Кешу, а потом Лев Назарыч вдруг оглушительно расхохотался.

— Каково?! А?! Чист и наивен, как настоящее дитя природы. Нет, вы послушайте: «Олешков охранять не могут...» Каков анекдот? Ладно! За это не жалко! Будет, будет, что рассказать в Москве!

Он спустился с крыльца, взял собак за болтающиеся лапы, стараясь не измазаться кровью, утащил их за угол, к ближайшей помойке.

— Бедные вы мои, элитные ублюдки... И нарту вы таскать не можете, и мишку держать не можете... Вот и кончили так по-дурацки. Будет, будет, что дома порассказать.

Вечером Кеша пошел в дом, где жила бабка Ительнаут.

Пару раз ему навстречу попадались сопливые ребятишки, тащившие бутылки с водкой, а так поселок был пуст, даже собаки куда-то исчезли. Но откуда-то, похоже, что со стороны клуба, доносились редкие удары бубна.

На полянке, бывшей когда-то клумбой, кружком сидели коряки. Одеты они были почти нарядно, по-концертному — отплясали свое на репетиции, получили аванс, да в магазин, за водкой. Тут же и сели выпивать. Кухлянки из оленьего камуса, что расшиты бисером, были извозюканы грязью, торбаса промокли от дорожной слякоти. Пара бутылок, уже пустых, валялись на траве, третья бутылка водки гуляла по кругу. Пьяная старуха время от времени принималась бить в бубен, выкрикивать залихватски: «Ик! Ик!» Увидев Иннокентия, она беззубо заулыбалась:

— Нымылгив елквивик, тумгутум!

— Ну-ну! — сказал на всякий случай Кеша. — Поговори мне!

— Добро пожаловать, товарищ! Больше по-корякски я ничего не знаю, однако, — пояснила старуха. — Обрусачилась... сука.

Кеша сунул руки в карманы, набычился.

— Надолго загуляли, земляки? — спросил он у своих сородичей.

— Если нам по тысяче дали, то это... если скинуться... бутылок тридцать, — посчитала старуха.

— То есть — на месяц?! — удивился Кеша.

— Больше! Мы со ста граммов — в грязь пьяные. А потом еще на брагу перейдем...

— А к тому времени и канадские индейцы домой уедут, и даже наша путина уже закончится! — нехорошо усмехнулся Кеша. — До осени пить будете?

— Ик! Ик! — вдруг снова заколотила в бубен старуха, и коряки, глядя на нее блаженными, по-детски преданными глазами, начали что-то выделывать в воздухе руками, какой-то танец.

— Это вы почему, сидя на жопе, танцуете? — сердито спросил Кеша. — Обычай такой? Почему не знаю? Или танец? Как называется? «Новый Норгали»?

— Просто сил нет встать! — засмеялась старуха. — Не «Норгали», а ноги не держат.

Кеша, ругаясь, начал поднимать своих сородичей. Они падали, хохотали.

— Гады, вставайте! Нажрались опять... — чуть не плача, закричал Кеша.

— Кеша! Друг! Не прис-та-вай... Выпей, вон еще водка у нас осталась...

— Где?! — и Кеша Уркочан схватил бутылку, бросил ее в стенку клуба, полетели осколки, но коряки тут же хитро сообщили ему:

— А у нас еще есть!

— Гады! — сказал, размазывая слезы, Кеша. — Повалить вас всех, в уши нассать и заморозить!

— Не-е... Не получится заморозить, однако. Лето! — резонно заметили коряки. — Нет, не замерзнет.

— Не хочу я с вами... Один буду жить! — закричал Кеша.

— Не сер-тись, однако... Кеша!

Кеша плюнул, пошел от них по улице, почти побежал. Его ждали в доме бабушки Ительнаут. В окне у них мелькала свеча, шевелились тени — старые корячки и русские старухи собирали подружку: кто-то белые торбаса дошивал, кто-то причитал, по-архангельски окая, стекал талый воск со свеч, страшно глядели русские святые с икон. Старушки подошли к Кеше, здороваясь, старались до руки его дотронуться. Сама бабушка Ительнаут лежала тихая и просветленная, словно вещий сон досматривала. Белые волосы покойницы старухи на пробор расчесали, в руке ее холодной свечку затеплили.

— Тетка Энна... — позвал шепотом Кеша. — Поговорить я пришел. Был у тебя наш-то... Мерилов?

— Был, Иннокентий... — не сразу откликнулась она.

— Тетка Энна... Ты зачем свою мамку сжигать согласилась?

— Богу все равно — кто как к нему попадет, Иннокентий. Коряки попоют, русские поплачут, в огне сгорит или в земле закоченеет, — она замолкла, уже давно думая о своем.

— И то верно — кладбище-то у нас в поселке плохонькое, весной речка разгуляется, кости вымоет, их потом собаки таскают, — тихо сказала одна из старушек.

— Тетка Энна... Меня делать... все это... заставляют. Страшно мне... не хочу, — признался устало Уркочан, глядя в пол.

— А ты не мучайся, Иннокентий. Мамка перед смертью часто говорила, что раньше-то обычай был лучше нынешнего.

— Спасибо тебе, тетка Энна. Уверенность ты мне дала. А если что не так будет — сразу прости.

— Бог прости, сынок, — ответила за нее круглолицая, чистенькая старушка и посмотрела по-детски ясными и голубыми глазами.

С утра — еще туман-то не растянуло — Мерилов и Зыков зашли за Кешей.

— Пойдем! — скомандовал Зыков.

— Куда?

— С бабкой Ительнаут обряд совершать.

— А что, уже приехали эти... индейцы? — удивился Кеша.

— Что ты опять начинаешь! — взял его за шиворот Зыков. — Мы же тебе объясняли! У нас сегодня вроде генеральной репетиции, чтобы, когда камрады приедут, так все бы без сучка и задоринки прошло.

— Н-не понял! — помотал головой Кеша. — Моя твоя не понимает. Донт ундестенд! Не будем, значит, сжигать? Просто прорепетируем?

— Будем-будем! — пообещал капитан Мерилов.

— А когда индейцы приедут, что делать будем? Еще раз скажите, а?

— А приедут индейцы, так что у нас есть? Дружок твой, Коля Толман! Отошел. Жаль, конечно... Зато какой парень — орел! Красивый, стройный, одни усы чего стоят! Вождь! Вот он до индейцев в холодильнике, рядом со штабелями балыка, полежит.

— Ясно, — медленно сказал Кеша и закрыл глаза, и коричневый тундровый божок тут же скорчил ему рожу.

— Дрова для костра твои коряжки уже готовят, водку вам со склада выдадут — на сегодня немного, понятное дело, репетиция все-таки... Но, главное, для кино вас снимать будут! Поэтому, как по обычаю положено, веселье быть на лицах должно! — подробно, с удовольствием проинструктировал Мерилов. — Теперь о порядке проведения. Ты вместе со своими коряжками носилки с бабкой Ительнаут в гору занесешь и потом, как ворону застрелят, факел в костер бросишь.

— Я и стрелять буду, и факел бросать? — поинтересовался Кеша.

— Не надо! Не надо нам твоей стрельбы! Посмотрели уже. Вон, Зыков стреляет, ему за это деньги плотют, — и Мерилов погрозил Кеше пальцем.

«Как говаривал один умник, который сто сорок лет назад жил, ничего в человеке не меняется, — нашептал коряжский божок Кеше на ухо. — Люди за пять тысяч лет научились отличать синий цвет от голубого — и только, а так — мало в чем изменились». И когда Кеша, улыбнувшись, сказал:

— Ладно. Посмотрим, что из этого получится! — этот косоглазый тундровый идол печально вздохнул и отвернулся.

Костер разложили на вершине лысой сопки. Она полого поднималась от поселка, и тропинка петляла между старых и кривых берез. На самой вершине — голой и каменистой, с одиноким мертвым деревом, похожим на высохшую кость руки, — было сухо и даже зелено. Сразу же от мертвого дерева гора срезалась обрывом — лишь полоска черного песка и груды отбившихся от горы камней отделяли сушу от шипящего пеной прибоя.

Там, на вершине, и сложили костер коряжки. В штабель березовых поленьев набросали корявого березового корья, смолистого кедрача и молодой, кудряво закрученной бересты, а сверху усыпали темно-зелеными листьями рододендронов. Получилось красиво.

Кеша Урчочан нес носилки с телом бабушки Ительнаут, положив жерди на плечи, бессильно опустив руки вдоль тела, так велел киношник. Сзади, где на носилках покачивается белая голова бабушки, держал носилки Мишка Тольпичан, шел, спотыкался, словно от горя, а сам старался дышать в сторону от лица покойницы, которая при жизни часто ругала его за пьянку. Лицо его — охотника и браконьера — почти черное от весеннего тундрового загара, было изодрано шрамами и впрямь смотрелось контрастно рядом с белейшей головой старушки.

Кеша почти не чувствовал веса носилок. От них пахло смолой и хвоей и еще оленьим мехом — бабушка Ительнаут была одета в нарядную кухлянку и вышитые бисером торбаса. Кешу тоже нарядили в кухлянку и торбаса, хотя тропа на вершину сопки оттаяла и подсохла. Длинные черные волосы скрепили на лбу кожаным ремешком.

Рядом крутился толстый киношник, водил бесшумно японской видеокамерой, и коряжки, привыкшие больше улыбаться под шелканье и вспышки фотоаппаратов, шарахались, когда Лев Назарыч заглядывал им в лица фиолетовым молчащим глазом «Панасоника».

На вершину горы, куда Кеша еще пацаном забегал, не переводя дух, они поднимались долго — киношник останавливался, снимал панорамы и портреты, «крупняки», ложился прямо на сырую землю, целясь снизу в лица своим агрегатом, а они должны были проходить прямо надо Львом Назарычем, уж стараясь не наступить ему на рожу.

Люди уже ждали на вершине — принаряженные, под хмельком. Лев Назарыч покрутился еще, запечатлевая, даже прогнал из кадра Мерилова, который толкался

среди коряков в шляпе и репетировал речь: «Дорогие товарищи индейцы! Или как их там... Достопочтимые господа! А может... Братья по разуму!»

Лев Назарыч поставил всех на край обрыва, снял на фоне моря, потом ему пришла в голову блажь вскарабкаться на вершину сухого дерева — поснимать костер сверху. Мериллов, толкая плечом его в толстую задницу, подсадил, потом передал с уважением дорожную японскую видеокамеру.

— Можно возлагать! — закричал со скрипящего сухостоя киношник. — Внимание! Мотор!

Кеша Урочан взял на руки легонькую бабушку Ительнаут и поднялся на костер, ступая по поленьям, как по ступеням. Он положил ее на широкие лапы кедрача, поцеловал в лоб и прошептал:

— Сделай, как я тебя просил... — потом сбегал вниз, поднял над головой чадающий факел и бросил его в костер.

Пламя взлетело над горой, огонь ручейками разбежался по костровищу, а с океана натянуло ветром — и все занялось в одно мгновение, запластало, окружив пляшущими языками худенькое тело старушки.

— Ворону! А, черт! Ворону забыли! — закричал Мериллов, топорща усы.

К костру полез Зыков с растрепанной, как помойная тряпка, вороной... Но тут задымилась одежда на бабушке Ительнаут, светлым венцом полыхнули ее седые волосы, и внезапно ее тело судорожно задергалось в огне — люди закричали от страха и попятились к обрыву, а судороги все усиливались, и вдруг покойница села в пламени, вспыхнули остатки волос на лысом, обгорелом черепе, и толпа шарахнулась назад, топчась друг друга, люди бежали, толкаясь и вскрикивая от этих прикосновений.

Не сразу они и заметили, как от напора людских тел хрустнула и повалилась сухара, а толстый киношник, взвизгнув, полетел с обрыва.

Кеша побежал вместе со всеми, пока не наткнулся на тетку Энну. Заглядывая Урочану в лицо, она простонала:

— Иннокентий! Что же ты... Жилочки-то... подрезать надо было, тебя же старики учили...

— Так задумано, тетка Энна, — сказал медленно Кеша Урочан.

Обернувшись, он посмотрел в огонь, в зрачках его плясало пламя, только пламя, и тетка Энна поверила ему: да, так надо было. Она даже подождала — не скажет ли Кеша что-нибудь еще, и он сказал, не отводя сумасшедших глаз от огня:

— Спасибо, бабушка Ительнаут!

А кинооператор Лев Назарыч оказался живой, хоть и с переломанными ногами. Он стонал, закатывая глаза: «Панасоник!» — говорил. — «Панасоник»... Ругался, наверное. Его бесшумную машинку искали всем поселком, да чего там искать — три шага до моря, да и самого его, толстяка, из прибоья, как моржа, вытаскивали. Но в море коряки все-таки заглянули несколько раз, особенно, когда оно поднимало, перекатывая, валы — много там всякой всячины бывает, а этой, с фиолетовым глазом, — нету!

— Однако, нырять будешь? — спросили его. — Нет? Ну, мы тоже не будем.

И Кеша уже решил, что на этом Мериллов угомонится. Весь вечер он прислушивался к себе — тундровый божок усмехался, но глаза шурил, глядяваясь куда-то в даль. Кеша, темнея лицом, опять пошел в контору за распоряжениями. А там эта тройка опять сидела, словно и спали тут всю ночь вместе, на одном столе.

— Ну, что ж, подведем итоги, — сказал Мериллов невозмутимо. — Первый блин всегда комом, но опыт теперь кой-какой есть. Все, понимаешь, нужно готовить, ничего с кондачка у нас не получается, вот и охота... — и он замолк надолго, задумавшись.

— И что вам охота? Чего душа ваша пожелает? — вежливо спросил Кеша.

— Мне? Ничего. У меня, Иннокентий, своих желаний нет. Я знаю слово «надо» и стараюсь по мере возможностей его, это «надо», выполнять. И ты меня глазами не пугай, Урочан! Когда я говорю «хочется» или «охота», я имею в виду... охоту на медведя! Вот! Поймал мысль!

— Однако, миска больс-сой зверь! У-у, какой! — сказал Кеша и показал — страшный он и лохматый.

— Тэк. Значит, организуем Праздник Медведя. Чтоб — череп на шесте, кровь ложкой пили... и не морщились! И вот так: «Хуг! Хуг!» — кричали. Наверное, надо будет одну белую важенку заколоть... Оленина вперемешку с медвежатиной — шашлыки фирменные будут.

— А кто медведя-то стрелять будет? — спросил осторожный Тутышкин.

— Не бойсь, Егор Матвеевич, тебе не придется. Вот, Иннокентий у нас... Добытчик! — засмеялся Мерилов.

— Я его что — палкой убивать буду? — удивился Кеша. — Винчестер-то отобрали.

— Но-но! — пристукнул кулаком по столу Зыков. — Осмелел. Про винчестер разговор особый будет. Слушай, может, у тебя другое оружие есть, зарегистрированное?

— Есть, — равнодушно сказал Кеша. — Однако, давно зарегистрировано.

— Короче! — перебил их Мерилов. — Завтра, Иннокентий, с утра заведешь вездеход и заедешь за нами.

— С индейцами тоже — с вездехода охотиться будем? — спросил деловито Кеша.

— Главное — не убить, а пообщаться, Праздник Медведя главное, — встрял Тутышкин. — Вдруг с индейцами медведя не добудем, а у нас уже свой есть, в заначке.

— Ну, не скажи, Егор Матвеевич! — не согласился Мерилов. — Надо, я уже это озвучивал, чтобы их воинственные индейские кровя взыграли!

— Пошел я... вездеход готовить, — сказал Кеша, не дослушав этого спора.

Дома он залез на чердак, вытащил из-за печной трубы длинный промасленный сверток. То-то бы удивился капитан милиции Зыков, узнав, что в этом свертке!

Утром он завел вездеход, залил оба бака соляркой и поехал за начальством. Мерилов оказался, как всегда, несобранным — примерял перед зеркальным шифоньером брезентовую куртку. Кеша присел на корточки, подождал полчаса. Потом помог донести до вездехода рюкзак, в котором что-то позванивало и булькало. Мерилов с двустволкой и в болотных сапогах вышагивал сзади.

Затем, по старшинству, поехали за начальником милиции. Зыков уже покурил на свежем воздухе, подняв воротник форменной, на меху, куртки. Кеша покосился на его короткий, с откидывающимся прикладом автомат — хорошее оружие, легкое и страшное.

— Поехали! — скомандовал Мерилов, по-хозяйски ерзя на сидении.

— А ты, Урочан, почему без оружия? — сразу заметил Зыков.

— Да-а... Кеша заедет домой, Кеша еще возьмет! Уй! Большой ружье! — сказал Иннокентий, дергая рычаги фрикционов.

По дороге прихватили директора совхоза Тутышкина, поехали к Кешиной хибаре.

Дома Кеша подержал на весу тяжелый сверток, раздумывая: смуглый тундровый божок тут же надул щеки, собираясь рассмеяться, — и молодой коряк пошел к вездеходу, положив тяжелый сверток на плечо.

Кешкин секрет вызывал самый живой интерес.

— Ну-ка, ну-ка... Что там у тебя? — спросил любопытный Тутьшкин.

— Чиво пристали! Мишка — у-у! — зверь большой, вот и взял... Вот! Чудовещь! — слабо отбивался Иннокентий.

Мериллов и Зыков, сопя от любопытства, распотрошили сверток и переглянулись, дружно присвистнув: подпорченный коррозией, с погнутым пламегасителем, но почищенный и смазанный — перед ними лежал старый авиационный пулемет.

— Урочан! Ты не успел по одному делу отмазаться, а уже второе сам себе шьешь. Где взял?! — заорал капитан Зыков.

— Однако, нас-сёл...

— Где, понимаешь, «нас-с-сёл»? Вот ребенок, в самом деле! — хлопнул себя по бокам веснушчатými руками Мериллов.

— Где-где... В тундре. Большой самолет падал...

— Когда?!

— Однако, давно... Шибко старый.

— Где, тебя спрашивают?!

— Вулкан Опала знаешь?

— Так это же не наш район! И где тебя черти носят! — удивился Мериллов.

— Какой еще самолет? Сколько пилотов? Сколько кресел там в кабине было? — стал допытываться Зыков.

— И-и-и! Не было пилотов, — схитрил Кеша, вспоминая, как собирал и хоронил белые кости.

— Это или Ил-2, штурмовик, или «Аэрокобра», что американцы по ленд-лизу поставляли, — авторитетно пояснил Тутьшкин. — Летал на штурмовку, япошек долбил на Курилах, да видно его самого зацепили, не дотянул...

— Мериканцы-мериканцы, — начал радоваться Кеша. — У них взял этот ружье большой, мишку долго-долго стрелять можно.

— Ты из него стрелял уже?

— Да, мало-мало... Лося завалил. В другом районе.

Зыков с трудом отстегнул коробку с боезапасом.

— Зачем поломал? — обиделся Кеша.

— Ты понимаешь, Иннокентий, нельзя тебе с этим ружьем сегодня на медведя охотиться, — по-отчески ласково пояснил Мериллов.

— Почто нельзя? За границу не ходил, дома нашел. Отдай ружье!

— Понимаешь... — попытался найти слова Мериллов. — Это — тоже нарезное оружие, на него опять же разрешение требуется...

Но тут, в сердцах, сорвался Зыков:

— Какое еще, к черту, разрешение? Коряку — на пулемет?!

— Кеша, то, что ты нашел, — молодец. Мы в город его отправим, краеведы летчиков по архивам найдут, про нас в газетах напишут, — начал мечтать Мериллов. — Сдать его нужно, дорогой.

— Берите, — вздохнул Кеша. — И сами мишку стреляйте.

Начальство озабоченно переглянулось.

— Вот что, Иннокентий! Я тебе сегодня выдам тот американский винчестер, но только на эту охоту! А сейчас поехали к милиции, сдашь свою тяжелую артиллерию, — решил Зыков, пряча в рюкзак тяжелую коробку с боезапасом.

В милицию Кеша вошел первым, держа пулемет наперевес. Сонные дежурные — старшина и сержант — шарахнулись к стене, вылупившись на него. Кеша, развеселившись, лязгнул затвором:

— Руки вверх, толстожопые! — И они вскочили, послушно подняв руки.

— Ну, не сукины вы дети, а? — заругался Зыков, входя следом. — И, блин, сразу сдаваться! А ты не шуткуй, парень, поставь вон свою дуру в угол... Ну, что

встали? Да отпустите руки, кретины! Ну, хоть бы какое сопротивление оказали, хоть бы на пол попадали, залегли, позицию заняли...

— Окажешь тут... сопротивление-то.... — сказал наконец хриплым басом усатый старшина. — Тильки вякнешь — он як засандалит!

— Куда «засандалит»? Чем «засандалит»? Вот они, патроны-то! У меня!

— Оно, конечно... А так надежнее.

Зыков махнул рукой, открыл кабинет и выдал Кеше его новенький винчестер, две обоймы патронов.

— Однако, от дедушки Икавава в наследство остался, — безмятежно пояснил Кеша, погладив винчестер по стволу. И дежурные милиционеры злобно покосились на него.

Тундра, ровная на сотни километров, блестела под восходящим солнцем. Древней вязью петляли по ней ручьи и речушки — молодая вода скатывалась в океан.

Кеша Урочан гнал вездеход к далеким, ослепительно-белым хребтам, куда по весне, поднявшись от спячки, уходят медведи. Изредка он поглядывал на приборную панель, где над датчиком топлива дрожала фотография великого человека — Иннокентия Смоктуновского. На фотографии было написано «тезка».

Работая рычагами, Кеша думал о том, что смерть, должно быть, похожа на медведя — такая же тяжелая, неожиданная и злая. И так же, как медведь, она обычно нападает на того, кто идет по тропе последним. Гамлет, принц датский, не был коряком, не знал повадки медведей, но всегда шел первым и умер позднее своих врагов. Пусть недолго он их пережил, это не важно! — но они умерли все-таки раньше него.

Медведя они заметили часа через два — вначале наткнулись на крупные следы, тянущиеся цепочкой к остроугольным, заснеженным отрогам Срединного хребта, и после бешеной получасовой гонки увидели и его самого. Огромный, черный, косматый зверь — кому-то он мог показаться неуклюжим, но Кеша знал, что эта неуклюжесть была от распирающей зверя силы.

— Гони! Гони!! — заорало азартно начальство, выставив стволы из вездехода.

Кеша, откинув дверцу, давил на газ, а сам — неслышный для них в грохоте двигателя и лязге отполированных о тундру траков — тоже кричал:

— Кайнын! Кайнын! Подожди меня!

Вездеход тащил за собой шлейф дизельных выхлопов, отбрасывал из-под гусениц фонтаны искрящегося талого снега и догонял зверя, приближаясь уже на прицельный выстрел. И Кеша услышал — сквозь вой двигателя и лязг металла — слабый хлопок, это Мерилов, не удержавшись, стрельнул, попал и заорал в восторге:

— Дави его, курву! Дави гусянками!

Медведь, дернувшись, продолжил бежать так же ровно и мощно. Кеша, сжав зубы, рвал на себя рычаги. Прищурившись, он рассчитал траекторию движения и сейчас вел вездеход, стараясь прижать зверя к реке. И вот тот уже бросился в воду, подняв тучу брызг, огромными прыжками проскочил через протоку, с треском ломая заросли ивняка, скрылся.

— У-упустили! — почти завыл Мерилов.

— Однако, здесь сидит, — крикнул, улыбаясь, Кеша и выключил двигатель. — Видишь — остров? По той стороне лед идет, мишка не полезет. Будете сами стрелять? А то я первый пойду, у меня тоже — кровя индейские играют...

— А что, товарищи... — поразмыслив, сказал Мерилов. — Именно так! Не с вездехода, браконьерским способом, а пешком, как сказался, добыть зверя... Хотя,

по нашему сценарию, это биологическое животное нанесло ущерб государству — подавило олешек в табуна и подлежит, понимаешь, отстрелу любым способом... Но мы с ним — в честном бою, по-мужски...

Они неловко выбирались из вездехода. Мерилов взял наизготовку свою двустволку, Тутышкин зачем-то повесил свой карабин на шею, а Зыков пристегнул рожок к автомату. И все посмотрели на Кешу.

— Ну, давай, добытчик!

Кеша, усмехнувшись, вошел в бурлящую протоку, держа винчестер над головой. Начальство полезло следом.

Остров этот был небольшой, и заросли ольхача заканчивались метров через двадцать. Кеша знал, что медведь лег где-то близко, следит сейчас за ним беспощадными, маленькими глазками.

— Кайнын... Кайнын... — шептал Кеша, называя его по-корякски, и на ощупь продирался сквозь кусты. — Это я, Кешка... Ты узнал меня, кайнын?

Сзади, потрескивая сучьями, пробирался Зыков, за ним — Мерилов, последним шел Тутышкин. Пройдя еще шагов тридцать, Кеша увидел просветы между деревьями, речку, несущую битый лед и шугу, и заторопился туда, на свободу, из этих опасных и плохих кустов...

И тут за спиной раздался медвежий рев и тонкий крик Тутышкина. Кеша резко обернулся и успел заметить: медведь, кинувшись, немного промахнулся, не убил сразу, и Тутышкин — с разодранным лицом и повисшей рукой — с неожиданной ловкостью петлял меж кустов, а зверь, как-то странно припадая набок, наседа на него сзади.

А в другую сторону, ополоумев, ломился капитан Зыков, расталкивая ветки автоматом. Помедлив всего одну секунду — стрелять уже было нельзя — Кеша вскинул винчестер и повторил как заклинание:

— Кайнын...

Медведь сгреб Тутышкина, отшвырнул, и тогда Кеша выстрелил, целя зверю в голову. Медведь дернулся несколько раз, завалился набок, подгреб под себя зернистый снег и обмяк, конвульсивно вздрагивая... И только тогда, сшибая ветки, загремела длинная, очень длинная автоматная очередь. Кеша упал на землю, мгновенно перезарядил, но Зыков больше не стрелял, он тоже лязгал затвором. Тогда Уркочан поставил оружие на предохранитель, подошел поближе, посмотрел...

Его пуля попала медведю в голову, рядом с ухом. Еще одна рана — в слипшейся крови на боку — это раньше стрелял Мерилов. Потом он внимательно разглядел Тутышкина — тот, разлохматив пшеничные усы, лежал на боку и укоризненно смотрел на Кешу остекленевшими глазами. Лицо Тутышкина неузнаваемо изменилось — расплзлось, распластанное когтями, из-под вспоротой камуфляжной куртки вывалились петлями синие кишки, и снег вокруг директора испачкан пятнами мочи и крови. А желтая лысина лопнула, как перезревшая дыня... Кеша всмотрелся повнимательней и присвистнул удивленно — спина Тутышкина была аккуратно прошита автоматной строчкой — шесть или семь дырок уже слились в одну сырую, темную полосу.

Послышались утробные звуки, Кеша оглянулся: Мерилов висел на кустах, его рвало до желчи. Его рыжие усы повисли сосульками, глаза страдальчески смотрели на этот мир.

Задыхаясь, лязгая зубами, вылез из кустов Зыков и сразу же заорал на Кешу:

— Ты почему раньше, подлец, не стрелял?

— Зацем обижаешь, нацальник? — спросил Кеша насмешливо. — Я, однако, хотел, чтобы они поближе к вездеходу подбежали, тогда и медведя тащить бы не пришлось.

— Да я т-тебя, суку... — захлебнулся Зыков.

— Ладно. Поохотились, — сказал устало Кеша Урочан. — Ты, капитан, вон лучше дружка своего подбери, а то вон, всю фигуру ему испортил! — И он, закинув винчестер за плечо, пошел к вездеходу.

— Стой!! — закричал ему в спину Зыков. — Стой, стрелять буду!

Кеша на ходу прикрыл глаза — смуглый тундровый божок уже дремал, отвернувшись равнодушно. Сзади раздался щелчок вхолостую, Кеша, не оборачиваясь, засмеялся.

Перебравшись через протоку, он подошел к вездеходу, выдернул ключ зажигания, выбросил его в бурлящую воду, потом залез в двигатель, оборвал провода — туда же их! — и зашагал в сторону далеких хребтов, прикидывая на ходу, что до ближайшего стойбища, до своих коряков он доберется к следующему утру.

А если идти на север, то можно снова добраться до Анадыря. А там и до настоящих индейцев — рукой подать. Но тундровый божок на эти мысли снова начал корчить рожи и шептать, что нет ничего смешнее, чем коряк-эмигрант.

Лето в тот год в Ламутии выдалось славное — теплое, сухое, почти без штормов и туманов. Почти как на материке было лето.

В трех окнах огромного до неприличия кабинета было видно, что даже на вулканах уже растаял снег.

Зазвонил телефон. Хозяин кабинета в белом парадном прокурорском мундире — большие звезды на погонах — снял трубку.

— А, Михалыч! — сказал в трубку прокурор. — Какие новости? Так, это я знаю... Об этом мне тоже докладывали... Кто сбежал? Иннокентий Урочан по кличке Маугли? Это тот артист, что твое районное начальство под медведя подставил? А потом он еще их и пострелял из «калашникова»? Кстати, насчет последнего факта вы меня так и не убедили. Да, я был в отпуске, не смог лично проконтролировать... Ладно, не пузырись. Его бы, этого Урочана, самого об этом поспросить, а? А что для этого нужно? Правильно: поймать. И доставить к нам в живом и целом виде. Вот ты мне это и обеспечишь! Задачу понял? Выполняй. Да, кстати... тут у нас одна корреспондентка крутится из Москвы. Смуглая такая,мышсленая. Возьми ее с собой в рейд, я обещал ей интересный материал. Только... поаккуратнее с ней там, эта газета бывает и Самого... ну, ты понимаешь... нет-нет да куснет. Потом лизнет, понятное дело, но покусывают они ощутимо.

На вертолетной площадке в поселке Кинкиль толпился народ, только что сел «борт» из краевого центра, привез новых людей, а это здесь — всегда событие. К стройной чернявой девушке с хипповым рюкзачком подошли Мерилов и Зыков, представились.

— Динара, можно просто Дина, — кивнула им она.

— Что ж, Дина, как говорится, с корабля и бал! — с чувством сказал Мерилов. — Полетим ловить браконьеров, а еще... искать беглого преступника, убийцу! Не страшно?

— Нет! А где мы будем его искать?

— У сородичей, где ж ему быть... заодно и проверим — нет ли случаев браконьерства у коренных народов, у нас же, понимаете, лососевая путина. Для начала проверим участки рядом с Кинкилем, пойдем на «казанках», вот, наденьте рыбацкую куртку, а то промокнете от брызг. С нами пойдет директор... председатель... короче, новый хозяин этих мест Олег Николаевич Муромцев, вот товарищ капитан Зыков будет за милицию, ну, а я емь власть, — пояснил скромно Мерилов.

— Очень приятно! — вежливо улыбнулась журналистка.

— А это, как я уже говорил, наш, так сказать, новый олигарх, господин Муромцев Олег Николаевич!

— Здравствуйте, Олег Николаевич. А я писала про вас, может быть, читали: о приватизации базы тралового флота?

— Да уж! Имел удовольствие. Ну что, поехали?

По лиману, по спокойной воде, они прошли лихо, куражась друг перед другом мощью японских лодочных моторов «Ямаха», но, как только лодки повернули за мыс, стал задувать, натягивать ветерок, срывая пену с волны. Лодки прыгали по воде, отыгрывали на волне, поднимали брызги, и уже через четверть часа все перестали вытирать лица — все равно головы были мокрыми, да так, что текло за шиворот.

А потом лодки влетели в устье реки, и почти сразу же первая «казанка», на которой шел Зыков, вдруг взвыла, вильнула из стороны в сторону и остановилась. Ее тут же развернуло течением и плавно понесло к устью, к океану. Мерилов, чувствуя, что по днищу его лодки тоже что-то колотит, сбавил обороты, подрабатывая на малых, подошел к лодке Зыкова.

— Что, зацепил топляк? Шпонки сорвал? — весело спросил Муромцев. — А, капитан!

— Нет, Николаевич! Смотри! — И Зыков показал назад: красная полоса тянулась за кормой.

— Это... Что?

— Кровь! По живой рыбе идем, винт вязнет! — весело заорал Зыков.

— Едрить-копотить, а потом конопатить! — ахнул Мерилов. — Да сколько же ее здесь в этом году! Сколько живу, здесь такого не видел!

— Много...

— Пошли потихоньку вон к тем юкольникам! Давай на малых оборотах за нами!

Корякские юкольники были устроены просто, их конструкция не менялась последние сто тысяч лет — на трехметровых столбах (чтобы мишка не достал, однако) был устроен настил, над ним — шалаш, внутри без соли вялилась рыба.

Корякские псы было кинулись к чужим людям, залааяв, но хозяева прикрикнули, отвесили по паре пинков, и собаки отошли, легли всей стаей, глядели весело, с чувством исполненного долга. Зыков снял руку с кобуры, спросил:

— Кто здесь за главного будет?

— Однако, все главные... — ответили хором коряки.

— Ловят здесь всегда по местным лимитам, что выделяет власть для малочисленных народов Севера. Государство дает по двести килограммов на каждого коренного жителя, а кто и сколько взял — поди, проверь, посчитай, если не лень. С рыбой тоже обращаются просто — достал из сетки, вспорол брюхо, икру — русскому дяде в обмен на водку, головы — в яму, квасить, потом пососать, полакомиться можно будет зимой. Еще один быстрый взмах тяжелого и острого ножа, и два пласта красной, сочной лососины перекидываются через жердь в юкольнике, — тихонько наборматовала на диктофон Динара.

Гудела вокруг мухота, уже очень даже чувствовалось, как крепко пованивает из ямы.

— В яму-то зачем они ее? — спросил Муромцев, морщась. — Вы знаете, то-варищ корреспондент?

— А вы как считаете? — пожала плечиком Динара.

— Да кто их знает... — развел руками Муромцев. — Одни говорят — традиция, другие считают — организм у северного человека так устроен, не в состоянии

много переваривать, ферментов не хватает, вот и квасят коряки рыбу. Не знаю. Медведь тоже рыбу любит с душком. Но знаете, девушка, корякские пацаны, когда их в советские времена ловили по тундре и свозили в интернаты, конкретно травились молоком, а им еще пожирней наливали, почти сливки — бедные детки, синюшные, молочка им парного... крыночку.

— Камчадалы питаются рыбой и зверем, а рыбу едят сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землей... — процитировала наизусть Динара.

— Вот за что я люблю современную молодежь! — поднял палец Мериллов. — Могла бы не знать... А ведь знает! Это кто был? Крашенинников? Птенец гнезда Петрова?

— Володька Атласов, казак-первопроходец.

— Значит, землей засыпают! — поддержал разговор Зыков. — И так — до весны?

— Ну, не до весны... Дальше он пишет... Сейчас, вспомню... «И когда та рыба изноет, то рыбу, вынимая, кладут в колоды и заливают водою»... Короче. Потом они эту воду нагревали, бросая туда раскаленные в костре камни, и пили. А дальше снова наизусть помню: «А от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть не мочно!» Все!

— Да, точно. Терпеть не мочно! Пошли отсюда!

Они пошли вдоль берега. Сетки на реке стояли короткие, метров по пятнадцать-двадцать, наплава разномастные — тут тебе и железные шары со сталинских колхозов, и стеклянные, в сеточках, и капроновые кухтыли, и просто куски пенопласта, нализанные на капроновый шнур. Было видно, что старые лодки текут, из них постоянно пацаны вычерпывали воду, но работали коряки сноровисто и молча.

Рядом с юкольниками вдруг обнаружили личности явно не камчадальской наружности — три мордovorота шкерили икру, еще четверо на двух лодках шли заметом по реке.

— Кто такие? — резко спросил Муромцев.

— А ты что за... герр с горы будешь? — спросили его вполне дружелюбно, да и посмотрели с любопытством рыбаки.

— Я — Муромцев, председатель совета директоров компании, в чье рыбохозяйственное пользование отдана эта река и морские участки, прилегающие к ней! — с нажимом объяснил новый хозяин. — Вот этот симпатичный молодой человек с двумя пушками под мышками — мой телохранитель, это глава администрации поселка Кинкиль товарищ Мериллов. Это, сами видите, начальник местной милиции. Итак, повторяю вопрос: что вы здесь делаете? Здесь могу рыбачить только я и местное население по национальным лимитам.

— Вот мы и помогаем корякам осваивать эти национальные лимиты, — пояснил старший из мужиков, самый красноречивый. — Вон бабка Кевевтегин стоит, мы оказываем ей шефскую помощь. Безвозмездную.

Только сейчас они заметили, что на берегу, у самых кустов, стоит старуха в рыжей, расшитой кусочками оленьего меха камлейке. Но как-то странно стоит — неподвижно, откинувшись назад, запрокинув голову. Они подошли, приглядываясь.

— Привет, бабка! Что ж от тебя так разит-то... как говорится, на три метра против ветра. Это твои архаровцы здесь рыбачат? А, бабка?

Старуха что-то пьяненько бормотала себе под нос, улыбалась всему миру.

— Эт-та да... помогают маленько... — сообразив, что на нее смотрит кто-то незнакомый, кивнула она седой головой.

— Вы посмотрите, как они ее приспособили, — показала наблюдательная Динара. — Видите, в спину бабу доской уперли, чтобы не упала... Заботливые мальчишки, даже фанерку приколотили, чтобы торцом доски старухе спину не резало.

— Ясно... — вздохнул Мерилов. — Пошли назад.

По дороге к юкольникам они остановились, и Муромцев спросил у красно-мордого мужика:

— Тимуровцы, стало быть? Ну-ну...

— Вроде того, Олег Николаевич, — примирительно откликнулся старшой. — Правильно я вас называю-величаю?

Но Муромцев не ответил, резко повернулся и пошел дальше. Уже у костровища он оглянулся, увидел старенькую двустволку, висящую под навесом, снял ее с сучка, переломил:

— Ага! Пули!

— Олег Николаевич, не надо, не стреляй, разорвет еще! — забеспокоился Мерилов.

— Ладно! Стреляли же люди! — И дулетом разрядил в воздух ружьишко. — Эй, кончай работу! Все на берег, разговор есть!

Коряки, услышав крик, прекратили выбирать рыбу из сетей, сидели в лодках, смотрели недоуменно на чужака.

— Быстро, я сказал!!

Стали заводить лодочные моторы, вот одна лодка пошла к берегу, следом другая, потом тронулись все.

Через полчаса на берегу собралось с полсотни местных жителей, стояли тихо, смотрели хмуро. Муромцев уже по-хозяйски устроился у костерка, сам успел сгоношить крепкий чай, прихлебывал, не брезгуя, из чужой закопченной кружки — обжег ее в костре на всякий случай.

— Все собрались? Почти все... Кто из вас был принят ко мне на работу на рыбокомбинат? Ну, что молчите? Вот тебя помню! Тебя! Вас двоих... Почему не на работе?

— Так рыба идет... — сказал кто-то, как всегда, из задних рядов.

— Правильно! И у нас она идет! Только здесь вы юколы вонючей навялите и всю зиму грызть ее будете, икру на водку поменяете — и все! Без денег, без еды, без работы! А у меня комбинат круглый год работать будет! Нормальная зарплата, деньги — два раза в месяц. Магазин в поселке я для вас открою, товары привезу, цены — как на материке, хлеб дешевый выпекать буду! Есть работа — есть деньги, пошел — купил. Вам же детей скоро в школу собирать! Да? Что молчите? Икру на буквари менять будете? Так не поменяют же! Только на водку икру меняют!

Муромцев встал, подошел к толпе, стараясь встретиться хоть с кем-то взглядом.

— Значит, так! Браконьерить я вам больше не дам! Завтра поднимаю вертолет, и я за свои деньги привезу из райцентра три бригады милиции и инспекторов рыбвода. За свои же деньги отправлю их в рейд на нерестилища. Кто не спрятался — я не виноват! Пожгу к вашей коряжской матери все браконьерские балаганы, кто не уйдет в шеломайник — всех посажу. А на этих... тимуровцев, что вам якобы помогают национальные лимиты осваивать, не рассчитывайте — аэропорт перекроем, эти мужички или сгнойт вашу икру в схронах, или сами ее жрать будут. Не дам вывезти икру на материк, не дам продать! Не будет вам бандитских денег!

Он еще раз сделал паузу, чтобы слова дошли до коряков. Они стояли, угрюмо молчали.

— А я вам платить по закону буду! С больничными листами, с отпускными, с оплатой проезда на материк, с детскими пособиями!

Коряки смотрели в сторону, продолжали молчать.

— По десять тысяч каждому на конвейере платить буду! На неводах и тонях — больше! Это вам что — не деньги? Нет? Чтоб завтра все у меня на рабочих местах были! Иначе китайцев привезу, в ваши кухлянки наряжу и всем скажу, что это они — коряки!

— Ну, он и хамло! — сказал тихонько Мерилос Зыкову. — Это же... аборигены! Они же... как дети! Они, наверное, его... послушают.

— Ну, думайте! Решайте! — снова крикнул Муромцев. — Сегодня к двенадцати часам жду рыбообработчиков! Вашу национальную смену я сегодня жду на конвейере! Все!! Да, еще вот что... За чай — спасибо, хороший чай, с дымком, — и пошел через расступившуюся толпу.

— А я вот так красиво говорить не умею! — выступил вперед перед коряками Зыков. — Но если выяснится, что вы укрываете у себя беглого преступника Урочана Иннокентия, то обещаю: посажу за соучастие! Вы меня знаете!

Утро на следующий день случилось прохладное. На вертолетной площадке собрались рыбодоводцы, менты, пилоты. Динара зябко куталась в тонкую штормовку. Всех слегка знобило от близости такого большого и холодного океана да от вчерашней халявной выпивки.

— Сколько вас всего? Восемь? Куда ж я бракуш и бочки с икрой грузить буду? — весело спросил Кочетков, командир вертолета, проходя в кабину. — Ладно, начнем с ближних нерестилиц, а там посмотрим.

Земля сверху, метров с пятисот, была похожа на шкуру доисторического животного — изогнутым хвостом ящера уходил к бухте горный хребет, щетиной рос на нем лес, мелкой мошкаркой казались с высоты взлетавшие с заболоченной тундры утки, с сухих предгорий — белой пылью — куропатки, и вся эта шкура была исплестана беспорядочными шрамами следов от гусениц вездеходов.

Внезапно вертолет начал снижаться, и все в салоне прилипли к блистрам — что такое? — реки-то внизу нет. Кого ловим? Почти над самой землей Кочетков ушел в крутой разворот, и все увидели, что прямо под ними по тундре удирает здоровенный толстозадый медведь. Динара торопливо открыла блистр, и ветер ворвался в салон, но дверь в пилотскую кабину распахнулась и бортмеханик жестом показал: «Не надо снимать, просто смотрите... балдейте... да-да, с левой стороны смотрите».

Вертолет снова догнал медведя, пилот уравнивал скорости — а косолапый улпелывал по тундре, не оборачиваясь, вертолет гремел над ним, шел, словно привязанный. Потом Кочетков начал потихоньку прижимать «Ми-восьмой» к земле, подталкивая мишку в задницу большим вертолетным колесом. Медведь вдруг кувыркнулся через голову и тут же, вдогонку, дал по колесу такую затрещину, что, кажется, даже качнуло «вертикальный» в воздухе. И тут же Ми-8 взмыл вверх, пошел ровно, без выгребонов.

Бортач снова повернулся к пассажирам и уже другим жестом показал: «Все! Кина больше не будет!»

К ближайшему нерестилищу они вышли через полчаса. Вначале все увидели, что речку перегораживает сетка с цепочкой белых наплавов, потом, в кустах, заметили и балаган, и юкольник.

Кочетков посадил вертолет на песчаной косе, заглушил двигатель — дело не быстрое, пока менты акты напишут, икру конфискуют, да еще, не дай бог, по кустам за бракушами бегать придется, так чего же зря воздух сотрясать, керосин жечь.

Но браконьеры появились сами — первым на зеленой резиновой лодке по протоке выгроб мальчишка лет десяти, следом из кустов вылез старый сморщенный коряк — не то его отец, не то дед, существо без возраста.

— Ну, давай, для начала выбирай сетку! — скомандовал Зыков.

Мальчишка с любопытством смотрел на новых людей в камуфляже и с автоматами, на яркий и горячий от полета вертолет, потом привычно побежал помогать. Сетку — метров двадцать — вытянули на речную косу, в ячее запуталась рыба: нерка, штук двадцать, одна небольшая чавыча, килограмм на пятнадцать, несколько гольцов, всего хвостов около тридцати.

— Толпичан! Иди сюда, дурак старый, протокол составлять будем, — зло крикнул Зыков. — Что же ты речку-то напрочь перегородил? Ты бы метра три оставил, чтобы хоть кто-то дошел до нерестилища, отнерестился...

— Да это сегодня только, нацальник... Вчера вообще не рыбачил! — радуясь случаю поговорить, доложил дед.

— Ладно, подписывай здесь и вот здесь. Товарищ журналист, понятой будете? Тогда, прошу, ваш автограф. Веди, дед, показывай, где икру зарыл.

Икры было полтора бочонка, литров семьдесят.

— Ладно! — решил Зыков. — Икру и лодку — в вертолет, рыбу... да она лощавая уже — в речку. Пацан, иди в вертолет, не глазей здесь! Вот тебе, дед, канистра... Спички есть? Действуй! Жги сам свое хозяйство.

Закрутился штопором дым от горящего балагана — и вертолет набрал высоту и пошел дальше. Старик и мальчишка пристроились, согнувшись, на дюралевах сиденьях, обтянутых светлым дерматином, словно боялись его испачкать. И точно — старик не выдержал, пересел на грязный пол и сразу же облегченно заулыбался беззубым ртом.

Еще было три посадки, еще три дымных столба осталось позади, икры и коряков в вертолете добавилось, последних браконьеров на борт брать не стали — не маленькие, сами до поселка доберутся, тут всего-то километров двести, и без того вертолет шел с перегрузом, одной икры было взято больше тонны.

«Ми-восьмой» уже поворачивал на базу, все, даже арестованные, повеселели: скоро дома будем! — и тут Кочетков снова заложил вираж, опять мелькнул внизу браконьерский шалаш, палатка, речка, перегородженная сетью, завалы поротой рыбы на берегу.

— Садимся? — крикнул бортмеханик. — У нас еще час летного времени есть!

— Да ладно! — махнул рукой Зыков. — Идем на базу!

— Вон! Вон! — закричала Динара, щелкая фотоаппаратом. — Там так много — рыба, икра!

— Ладно, садимся! — решил Зыков.

Браконьеры что-то не показывались, не шли сдаваться.

— Странно, — сказал Зыков. — Все места знаю, всех бракуш — кто, с кем, для кого рыбку шкерит, а эти кто-то новенькие. Эй! Выходи! Ты смотри, попрятались! Вылезай, гребаный-смешной, пока я не сделал вид, что ты в меня стрелял. А я в пределах допустимой самообороны...

Он и вправду передернул затвор, дал короткую очередь по верхушкам деревьев — полетели срезанные пулями ветки, а с соседнего острова поднялся с истошными воплями выводок куропаток.

— Выходи! Некогда нам с вами валандаться! — снова повторил Зыков, прицеливаясь уже пониже.

Кусты зашевелились, и на поляну вышли три крепеньких мужика в камуфляжной форме. Вытирая на ходу руки (рыбку шкерили), они подошли, приветливо улыбаясь:

— Доброго здоровьица, товарищ Зыков!

— Капитан милиции Зыков! — отрезал тот, словно не слыша их. — Браконьерим? Предъявите документы!

— Чего? А, документы... Это пожалуйста!

— Тэк-с, граждане! Будем составлять протокол. Динара, вы можете пока пройти, снять на пленочку их балаган, палатку, икру в бочках... Работайте спокойно, вы здесь под защитой милиции, — улыбнулся снисходительно Зыков.

— Спасибо! — вежливо сказала Динара и ушла, бросив на песчаную косу свой хипповый рюкзачок.

— Что за дела, капитан? — спросил с угрозой мужик, который был здесь, похоже, за старшего. — Ты же знаешь — на кого мы здесь работаем!

— Знаю! — процедил Зыков. — Ты же видишь, я не один! Московская газета, девка эта... скандальная, сука... Она вас и заметила, нащелкала с воздуха во всех видах. Вы бы, вашу мать, хоть сетку камуфляжную на палатку кинули, да рыбу поротую закопали — сверкает на солнышке, из космоса, наверное, видно.

— Так никогда же сюда инспекция не залетала! — пожал плечами старшой. — Сто лет здесь заготавливаем, есть же договоренность...

— Да тут особый случай! Беглого ловим. Погоняло — Маугли, слышали? Ушел, гаденыш, где-то здесь прячется.

— Это артист, что ли? И что, нам теперь из-за этого пацана под статью идти? Ну, падла, попадется он мне, удавлю! — озверев, прохрипел старшой.

— Да никакой тебе уголовки не будет. Я все замну. Слетаете в город, в баньке попаритесь, а то провоняли здесь как... кобели.

— Как медведи после спячки! — заржали откровенно мужики. — Только ты нас не стреляй, капитан.

— Я тебе, блин, подначу! Так подначу, что никакой Артем Сергеевич...

— Ладно, капитан, не заводись. И — без имен, ладно? Мы же не одни здесь! — нажал на голос старшой.

— Да вон, я вижу ее. Работает девка, ваш балаган снимает, — сказал, остывая Зыков. — Далеко она, не услышит.

Динара, и правда, не слышала.

— Кстати, если этот пацан... коряк опереточный... вам попадется... ну, ты понимаешь... разобраться с ним надо бы... от меня особенная благодарность будет! — сказал Зыков, пожимая руку старшому. — Ну, грузитесь!

Мужики в камуфляжной форме погрузили в вертолет икру, свои рюкзаки, ружья, дорогие карабины, рацию, бинокли ночного видения — хорошо экипированы были.

— А этот балаган мы сжигать не будем? — поинтересовалась, наивно хлопая глазками, журналисточка.

— Нет, товарищ корреспондент! Сжигаем через раз! А почему, спросите вы. Экология! Меньше вредных выбросов в атмосферу — крепче наш озоновый слой! — пояснил капитан Зыков.

И вертолет снова оторвался от земли и пошел рыскать над поймой реки, раздувая вихрем из-под лопастей высокую траву шеломайник.

И опять был крутой вираж, посадка. Браконьеры в салоне вертолета веселятся: еще кто-то попался! Нашего полку прибыло! Но на этот раз Зыков объявил:

— Всем оставаться на месте! Перекура не будет. Это не задержание простых браконьеров, а операция по поимке опасного преступника, убийцы.

— Что, Маугли нашли, начальник? — спросил «старшой».

— Кажется, нашли.

Динара вскочила с места. Трое омовцев, пристегнув к автоматам рожки, выпрыгнули из вертолета и, согнувшись, побежали к балагану. Динара кинулась было за ними, но Зыков поймал ее за шиворот.

— Нельзя, девушка! Он, по нашим сведениям, вооружен. И ему терять нечего. Оставайся в салоне! — резко скомандовал он.

— Ну уж дудки! Вы же обещали прокурору... содействовать! Это моя работа!

— Я не обещал ему вашей гибели!

— А вы меня не видели, я сама увязалась. К тому же, оставаться юной девушке в этом вертолете среди страшных браконьеров... Капитан, рядом с вами — самое безопасное место!

— Ладно! — решил Зыков. — Только, и в самом деле, держитесь за моей спиной.

— Вот он! Слева заходи! Держи! Стой, Маугли! — раздался голоса.

— Стой, негодяй! — вместе со всеми закричала Динара и бросилась в погоню.

Мелькали кусты, летели брызги из-под ног, и шарахалась, поднимая облачка мути, красная рыба, когда загонщики бежали по мелководью нерестилища. Взлетали, истошно крикая, утки. Рыкнув, удирала матуха с двумя медвежатами. А тут еще Кочетков поднял свой вертолет и барражировал, как настоящий сыскарь, над поймой реки.

— Вот он! Стой, Маугли!

Ветки хлестали по лицу, но Динара бежала за ускользящей тенью человека, одетого в робу зэка.

— Стой!! — И вдруг она провалилась в какую-то яму. Удар, и мир, перевернувшись, оставил ее в темноте.

А наверху уже начали сгущаться сумерки, и небеса полыхали закатным заревом, и погоня затихла как-то сама по себе.

— Да где он?

— А хрен его знает!

— Ты за кем бежал?

— Я? За тобой. А ты за кем?

— Тьфу, блин... А я думал — ты его видишь!

— Господа менты! Ночуем здесь или летим на базу? — вежливо поинтересовался командир вертолета.

— Конечно, на базу! Какая тут ночевка — ты медведицу с медвежатами видел? А ведь она вернется!

— Да, конечно, летим. Кстати, а где девка?

— Динарочка! Ау! Товарищ корреспондент!

— Слушайте, а может, он ее в заложницы взял? А? — спросил капитан Зыков и обвел всех взглядом.

— Ну, так уж сразу — в заложницы...

— Тогда где она?

И они снова кричали, стреляли, пускали сигнальные ракеты. Но тихо было в лесу, даже птицы замолкли испуганно.

— Ладно, летим на базу! Завтра возвращаемся и продолжаем поиски! — решил Зыков. — Собаку возьмем! Что же вы раньше не подумали?

Народ молчал.

— А что мы можем? И не смотрите на меня так, я не имею право рисковать жизнями остальных, вашими жизнями... даже браконьерскими... да она же самовольно ушла, покинула борт воздушного судна! Все слышали, как я ей запрещал это делать? — взорвался Зыков.

— Ну... было.

— Вроде... да.

— Тогда летим! — и вертолет ушел в красные, расплавленные, как в аду, облака.

А потом Динара открыла глаза. Горела свеча, полыхала печурка, рядом с ней сидел коротко стриженный смуглый парень — Кеша Уркочан. От неожиданности Динара попыталась отползти к стене, натянуть на себя старое одеяло.

— Ай! — вырвалось у нее.

— У! Угу! — заухал этот Маугли, подражая филину.

— Ты чего? — испугалась Динара.

— Чего-чего... Живу я здесь, вот чего! — сказал насмешливо Кеша.

— Ты кто?

— А то ты не знаешь! Сама же пять часов назад кричала: «Маугли, стой, негодяй!»

— А ты, типа, хороший, да? — попыталась наладить контакт Динара.

— Ладно, попробуй встать. Сильно ушиблась-то? Затылком, однако... Не болит? Тогда вставай, чай пить будем.

— Откуда у тебя здесь чай? — удивилась Динара.

— Это землянка моего отца. По наследству мне досталась. Здесь много чего есть. А главное, про нее никто не знает. Даже Зыков, даже вертолетчики, — ответил гордо Кеша.

— А как же тебя нашли, Маугли? — спросила Динара насмешливо.

— Это я им сам показался, вышел на поляну, помаячил. Пусть знают! Найдут, да не поймают. Ты лучше о себе подумай. Ты из Москвы?

— Да. Как ты догадался? — снисходительно спросила журналистка.

— У нас таких нет. В смысле, ты похожа на корячку, только... слишком холеная, — честно сказал Кеша.

— У меня отец узбек. Азия-с. Богатый человек. А что касается холености... здесь это, я думаю, за день пройдет. У тебя мыло-то хоть есть?

— У меня все здесь есть. Даже свобода. Вон там на полочке мыло. И зубная паста... И даже сегодня суп из куропатки с лапшой есть! — гордо сказал Кеша.

— Ух ты!

— Проголодалась?

— Еще как!

— Ну погоди пока с чаем-то... Сейчас налью супчика. Хлеба вот только нет. Но есть сухари, — рассказывал Кеша, ловко орудуя в тесной землянке. — У меня здесь удобно, все под рукой...

— Ты и куропатку, наверное, руками ловил? — спросила Динара, наворачивая супчик.

— Зачем руками? Стрелой бью. Из лука. Я же Маугли, — усмехнулся Кеша.

— А Зыков говорил, что у тебя оружие есть, автомат...

— Откуда я его возьму? У охранника на зоне? — удивился Кеша, а потом понял. — А-а... это он свои сказки продолжает рассказывать. Мол, я отобрал у него автомат, убил дядьку Тутышкина, а потом сбежал...

— А что, не так, что ли? — перестав есть, спросила Динара.

— Ты мне, девушка, не прокурор! Зачем тебе все это знать?

— А с прокурором-то я как раз общалась... С самым главным в вашем крае. Очень интересуется, как все было на самом деле, — как бы невзначай обронила Динара.

Кеша отмолчался.

— Ладно, завтра они вернутся за мной, а там посмотрим, как все получится! — вздохнула примирительно Динара.

— Никто сюда не вернется ни завтра, ни послезавтра. Циклон подошел. Слышишь, дождь стучит по крыше? Перевал закрыт, не пройдет «вертушка», — ответил Кеша невозмутимо.

Дождь, и правда, барабанил по крыше землянки. Намокли за окном гигантские заросли папоротника и шеломайника. От порывов ветра надувалась и хлопала полиэтиленовая пленка на окошке, прибитая вместо стекла. Трепетало пламя свечи. Молчание стало тягостным.

— Вот... Ты, когда бежала, свой магнитофон уронила. Я потом нашел, подобрал. Может, музыку послушаем? — спросил осторожно Кеша.

— О! Спасибо! Сейчас посмотрим, что там за музыка записалась, — засмеялась Динара.

Она отмотала пленку, включила диктофон. Они сидели и молча слушали, как Зыков готовит охоту на Маугли, на него — убийцу и преступника Урочана, но сам Кеша почему-то сидел спокойно, его смуглое нервное лицо на этот раз было невозмутимо.

— Бежать тебе надо, Иннокентий! Поймают они тебя. Убийство человека... к тому же — госчиновника... похищение оружия... — не выдержала Динара и внимательно посмотрела на Кешу.

— Нет, не побегу. Они же не ловить меня будут, они придут меня убивать. Потому что это я один знаю, что дядьку Тутышкина положил из автомата сам Зыков. Палил, гад, с перепугу... А автомат он в протоку выбросил, он там сейчас и лежит, я нырял, проверял.

— Ты ничего не докажешь! — тихо сказала Динара.

— А я, однако, ничего доказывать и не собираюсь. Они будут убивать меня, а я их. Мы все умрем, но кто-то раньше! — спокойно ответил Кеша, подбросил в печурку дровишки, и красные всполохи заплясали на его лице.

— Кеша! Честно говоря, очень хочется спать! — вдруг решительно заявила Динара. — Завтра закончим этот философский спор о жизни и смерти. Давай я лягу на полу...

— Нет, ты вот здесь, ближе к печке, ляжешь на нарах, а на полу я, у меня есть олений кукуль. Утром буду как настоящий коряк, весь в шерсти, — решительно объявил Кеша.

— Весь в шерсти? — развеселилась Динара. — Ну, уговорил! Мне очень хочется посмотреть это фрик-шоу!

— Фрик... что? Ты фрикаделек хочешь? — не понял Кеша. — Я мясо завтра добуду, а вот мясорубки-то нет... Но я ножом мелко-мелко порежу, сделаю тебе фрикадельки. Черемшу добавлю, дикий лук, будет вкусно!

— Ладно, Кеша, проехали. Это шутка была. Дурацкая. Давай спать.

— Давай, однако! Я и сам чтой-то притомился, сейчас усну, не долетая до подушки, — засмеялся Кеша. — А подушки-то у меня и нет.

— Это как? Не долетая до подушки? Ну-ка попробуем! Бэм-с — хр-р-р — бух!

— Нет, не так! Храпеть не надо! Бэм-с — чмок-чмок — бух!

А дождь все барабанил и барабанил по крыше землянки.

Утром туман лег такой, что и в десятке метров деревья стояли как приведения, скрючив корявые лапы.

— У-а — хайя! — попробовал голос Кеша, но звуки увязли в сотне метров.

— Боже, как под водой! — сказала Динара. — Я ныряла с акалангом на Кипре, так там... — начала было Динара, но, увидев, что Кеша смотрит на нее удивленно, замолкла.

— Пойдем, однако, на рып-палку, жен-сина! — сказал Кеша с ужасным коряжским акцентом. — Чавычу острогой бить пут-тем!

Река бурлила на перекате, там шла на нерест, прыгая вверх по камням, красная рыба.

— Вот она, вот! — закричала в восторге Динара. — Лови ее!

— Нет, однако. Коряк ноги мочить не будет. Вот здесь, в тихой заводи, мы добудем чавычу!

Динара стала тоже вглядываться в воду, азарт добытчицы уже завладел ею.

— Здесь плохое место, Кеша! Вон, видишь, на дне бревно лежит, ты за него своим трезубцем зацепишься — и все... — прошептала Кешке на ухо Динара.

— Это не трезубец, а острога! — шепнул в ответ Кеша. — А вон то — не бревно, это чавыча отдыхает. Видишь — плавниками шевелит! — И Кеша резко ударил острогой.

Огромная, серебристая, тугая чавыча билась на остроге, и Кеша с трудом удерживал ее, оскальзываясь на сыром берегу.

— Пособи! — крикнул он Динаре, и та схватилась за древко. А Кеша тут же прыгнул в воду, и она увидела только брызги, мелькание огромного хвоста... вот появилась мокрая Кешкина голова... вот он взмахнул рукой, в которой зажат нож... и опять забурилась вода... рыба сильно дернулась... Динара оскользнулась и сорвалась вниз в этот ледяной бурлящий котел. И уже через секунду Кеша выбирался на берег, держа под мышкой Динару, другой рукой, под жабры, он с трудом удерживал огромную, до сих пор еще вздрагивающую рыбину. Чавыча разевала пасть и злобно смотрела на Динару потухающим глазом.

— Ч-черт! Что это было? — выдохнула изумленно Динара. — Это называется «коряк не будет ноги мочить»?

— Килограмм шестнадцать будет! То есть пуд! — сказал гордо Кеша, пытаясь поднять рыбину во всю длину. Наконец ему это удалось, и, хотя хвост чавычи волочился по траве, он, шатаясь, держал ее на вытянутых руках.

— Вот! Теперь ты моя! — сказал он, глядя на Динару.

— Кто?! — ошарашенно спросила она.

— Чавыча, конечно! — кивнул на зубастую пасть хитрый коряк.

Потом они жарили шашлыки из чавычи на углях. От равномерного жара сочные куски лосося покрывались золотистой корочкой, Динара, жмурясь от удовольствия, стягивала их зубами с ивовых прутиков.

— М-м-м! К такой-то рыбке да еще бы вина! — сказала она мечтательно.

— Вино магазинное закончилось, однако. Есть коряжские... деликатесы, — невозмутимо ответил Кеша.

— Мухоморы, что ли? Мухоморы не буду! — возмущенно сказала Динара.

— Зачем мухоморы? Брага, настоящая на сладкой жимолости. А мухоморы коряки не жуют. Нет, бывает, конечно, когда коряк в город поедет и в панки запишется... или в готы... А так — нет, плохой гриб.

— Ишь ты! — медленно сказала Динара, рассматривая его невозмутимое бронзовое лицо. — Ну, давай свое таежное вино, вождь!

Кеша быстро сбежал в землянку и вернулся с бутылкой причудливой формы.

— На приборке нашел прошлым летом. Там еще записка была, но размокла, не смог прочитать, — ответил он на немой вопрос девушки.

Вино из жимолости пошло так хорошо, что Динара слегка захмелела.

— Ну, допустим! — сказала она, грозя Кеше пальчиком. — Землянка у тебя чистая, уютная... вино не хуже итальянских... чавыча — такой и в парижских ресторанах не подадут! А что ты, Иннокентий, можешь свое, коряжское, можно сказать, сермяжное показать? Чтобы ничего похожего ни у кого не было!

— Могу коряжский поцелуй показать! — наивно хлопая длинными ресницами, сказал Кеша.

— Нет, мой краснокожий вождь! Целоваться я с тобой не буду! — засмеялась Динара.

— А почему? — искренне огорчился Кеша.

— Ну... я забыла в городе свою зубную щетку, — уклончиво сказала она.

— Э, да ты совсем, однако, ничего не знаешь! Коряки не целуют друг друга в губы, они обнюхиваются, а потом трутся носами!

— Слушай, а это прикольно! Я, кстати, об этом где-то читала. Налей-ка, вождь, немного твоего тундрового бордо! Ну, на коряжский брудершафт! Почеломкаемся, вождь!

Они встали на четвереньки и, старательно пыхтя и сопя, обнюхали друг друга — лицо, шею, руки. Потом потерлись носами, стараясь не расхохотаться. Конечно, Кеша попробовал ее поцеловать:

— А если... по международному способу?

— Нет-нет, Иннокентий! Ты беглый преступник, страшный зэк, и с тобой я целоваться не буду!

— Хорошо! — сказал Кеша, садясь. — Тогда я тебе скажу — где ты читала про такой способ целоваться носами. Это у Ильи Сельвинского, но там он в своей поэме про чукчей пишет. К тому же, сейчас ни чукчи, ни тем более коряки так не целуются. То был поэтический вымысел.

— Ах, ты сукин коряжский сын! Ишь ты, обманул наивную девушку! И Сельвинского он знает! Ладно, прощаю, было весело. Налей еще своего... с коряжского виноградника!

Темнело. Низкие облака не пропускали золотых красок заката, просто весь мир сжался до размеров круга, освещенного костром, а где-то там, в Запределье, ухал и ухал филин, стараясь напугать всех своих врагов сразу.

Ночь была тихой, дождь уже не барабанил по крыше, а легонько шуршал, успокаивая. Кеша и Динара спали на одной лежанке — Кеша в своем кукуле, Динара — укутавшись в одеяло, рядом с печкой.

Внезапно Кеша бесшумно поднялся, легко ступая, подошел к двери, прислушался.

— Что там? Кто-то пришел? — сонным голосом спросила Динара.

— Нет, просто дождь заканчивается, — уклончиво ответил Кеша.

Утром он сказал Динаре:

— Ты не выходи из землянки пока. Если хочешь, я дверь снаружи закрою, а мне... надо... дело есть.

— Что-то случилось, Иннокентий? — настойчиво спросила Динара. — Ты знаешь, я занималась альпинизмом, там у нас был закон «в горах секретов нет».

— Ну... хорошо. Скажу. Ночью матуха приходила. На запах. Я вчера чавычу разделал, а потроха не успел закопать. Надо это сделать, иначе повадится, убивать ее придется.

— Я с тобой! — вскочила с лежанки Динара.

— Нет, посиди здесь, я быстро. Вон, на полке чай, сахар. Цаюй, однако! — сказал Кеша и улыбнулся.

С отходами — рыбьими кишками, шкурой и костями — он справился быстро — что-то закопал под берегом, что-то выбросил в речку, гольцы сожрут. Потом бегом вернулся к землянке, но Динары там уже не было.

— Я же говорил: не уходить! — вырвалось у Кеша.

Подхватив на ходу острогу, он побежал искать — вглядывался в помятую траву, в смазанные на глине следы, вслушивался в орущее воронье, а оно, как всегда, на весь лес орало: «Бар-р-рдак! Шар-р-рахаются тут!»

И вдруг он увидел Динару. Прижавшись спиной к обрыву, она пыталась вернуться от когтей пестуна, но молодой медведь ворчал раздраженно, заманивал мохнатой лапой, потом вдруг быстрым и легким движением встал на дыбки — он, двухлетка, был уже выше Динары почти на голову. Матуха стояла рядом, вздыбив рыжую шерсть на загривке, рвала когтями сырую землю, но детенышу не мешала.

— Эй!! — закричал Кеша и прыгнул с обрыва.

Матуха взревела — второй человек оказался между ней и ее неуклюжим чадом. Она сделала выпад — Кеша завизжал дико и страшно, но с места не сошел, встал намертво, выставив перед собой острогу. Пестун удрал куда-то в сторону, смешно переваливаясь. А матерая медведица и не собиралась уходить, сделав выпад лобастой башкой, она снова бросилась на людей.

— Эть! У-ахайя! — бешено закричал Кеша, как в танце, только выпады его были быстрее, уколы острогой стали настоящие.

Матуха тоже поднялась на дыбки — огромный зверь с мокрым и грязным брюхом (лазила, похоже, по воде), шерсть прилипла, было видно, как под ней перекачиваются мощные мышцы.

Но и Кеша вскочил на поваленную сухару, вскинул над головой руки, в которых была зажата острога и заорал грозно и повелительно:

— Эть!! У-а-хайя! Кайнын, уходи! Уходи, мамка! Амто, тумгутум! У-а-хайя!

И зверь отступил. Кеша без сил сел на землю, просто сидел, не оборачиваясь, и слушал, как Динара рыдает, у нее, похоже, начиналась истерика.

— Он тут уронил меня, катал по земле... покусывал... больно!

— Ну ничего, обошлось же! — сказал Кеша, встал, подошел, поднял с земли и начал гладить ее по голове, как ребенка, целуя в заплаканное лицо. — Просто он играл с тобой. Молодой, просто самку унюхал, а то бы порвал сразу!

— Самку?! Идиот! — И слезы у Динары сразу высохли.

— А что я такого сказал? — не понял Кеша. — Ну не самец же ты!

— Ладно, проехали... А что ты ему кричал по-коряжски?

— Просто поздоровался.

— Вежливый ты, Кеша. Со зверями-то... А на пенек зачем вскочил? Да еще с поднятыми руками...

— А чтобы выше ее, матухи, показаться! Они же, медведи-то, когтями кору на деревьях рвут, отметины ставят — это они ростом меряются. Кто ниже ростом, тот уходит с чужой территории, — терпеливо объяснил Кеша.

— Обманул, значит, глупого зверя... — снова всхлипнула Динара.

— Нет, она просто поняла, что сейчас еще немного — и я убивать, однако, ее буду. Вот и ушла, — просто ответил Кеша.

— Ладно, Маугли, считай, что ты меня второй раз спас! — глубоко вздохнула Динара и снова всхлипнула.

— Да брось ты... Ну, второй, так второй!

И снова ночью пошел дождь. Жарко пылала печурка, посвистывал, как синица в кустах, чайник. Красные блики плясали по стенам землянки. Горела, моргая, свеча. Кеша задул ее, отвернулся к стенке, лежал, слушал, как Динара возится под одеялом, вздыхает.

— М-м-м...

— Что, болит где-нибудь? — тут же вскочил Кеша, начал чиркать спичками, снова зажигая свечу.

— Кажется... он зацепил меня когтями... через одежду кожу подрал! — сказала Динара срывающимся голосом. Ее снова начал бить озноб.

— Счас! У меня есть немного йода! — И Кеша потянулся к полке над лежанкой. — Счас промоем, потом смажем... К утру заживет.

Динара поймала себя на мысли, что впервые видит его почти голого — смуглого мускулистого парня в какой-то дурацкой набедренной повязке.

— Вот! — гордо сказал Кеша. — Аптечка не такая богатая, как у нас в селе, но все основное есть. Покажи спину!

Динаре пришлось снять майку.

— Ну, не страшно! Терпи! — сказал Кеша, прикасаясь к ее вздрагивающим лопаткам. — Э-э, да ты еще не успокоилась! Первый раз с медведем сцепиться всегда страшно, потом уже привычно. Следующий раз уже не будешь так бояться! Ну, что ты... — он снова начал гладить ее по голове, потом осторожно коснулся губами голого плеча.

И Динара, всхлипнув, повернулась резко, обхватила его за шею...

Трещала свеча, освещая два молодых смуглых тела, пластала весело печурка, снова ухал в лесу филин, как старый леший: «У! У-угу!», да маленький корякский божок, пристроившись в уголке, сидел, закрыв глаза, да дурачился, тихонько выводя древнюю мелодию горлового пения.

Утром Кеша проснулся поздно. Было слышно, как взлетали утки с плесов — кто-то спугнул их, было видно в приоткрытую ночью дверь, как стелется туман, было слышно, как плещется рыба в реке. Динара спала, разметавшись, уткнувшись ему в плечо. Кеша осторожно встал, неслышно вышел, закрыл снаружи дверь на ржавый шкворень и ушел, прихватив лук и колчан, на охоту пошел — бить стрелой птицу.

Он еще подкрадывался к глухарю, улыбаясь своим мыслям, натягивал тетиву лука, как где-то там, около землянки, вдруг начало орать воронье, Кеша оглянулся, глухарь улетел. Кеша на одном дыхании добежал до обрыва — дальше была уже пойма реки, там, внизу, была его землянка.

И тут он увидел, что к землянке кто-то подходит крадучись. Кеша подбежал ближе и узнал: тот самый браконьер, «старшой». Оглянувшись воровато, мужик снял с плеча карабин, прислонил его к стенке, бесшумно вытащил шкворень, заглянул, что-то прошептал, облизываясь, и Кеша услышал, понял этот шепот:

— Опаньки! А в прикупе — дамочка козырная! — И нырнул вглубь землянки.

Динара проснулась, задыхаясь от тяжести чужого вонючего тела — какой-то мужик лез к ней, ухватив за волосы:

— Тихо... тихо, девонька... дядя хороший... лежи, сучка...

И вдруг она увидела, что около его горла, заросшего щетиной, оказался тяжелый корякский нож. Кеша давил на лезвие, и вот уже капельки крови начали стекать по острому клинку.

— Что же ты, дядя, к девушке лезешь, не побрившись? — насмешливо спросил Кеша громким шепотом. — Дай-ка я тебе поскоблю харю немножко!

— Ты... пацан... в натуре... — захрипел «старшой».

— Ты как сюда попал? Меня искал? — снова прошептал ему жарко на ухо Кеша. — Нашел, да? Вот он я!

— Ну, ты же умный пацан... Ты все понял, да? — совсем задохнувшись под ножом, просипел мужик.

Динара выскользнула из-под мужика, вжалась в угол, еле прикрывшись одеялом. Испуг ее почти прошел, и она, дотянувшись до диктофона, включила его за запись.

— Ну, убил бы ты меня... И что взамен? Что пообещал тебе Зыков? Деньги? Сколько? — спросил Кеша.

— Зыков никому не платит, пацан... все ему только платят, — скосил глазом «старшой» на капли крови, что уже падали на лежанку.

— Тогда за что? — продолжил допрос Кеша.

— Обещал три года меня на реке не замечать... пусти, пацан, вену откроешь... забрызгаю я тебе здесь все...

— Ничего, выброшу подстилку, у коряка еще тряпки есть. Отвечай, пока я тебя спрашиваю! А ее... девушку эту... ты решил на меня списать? Мол, Маугли изнасиловал журналисточку, убил ее, а потом и на меня кинулся... а я — его, в целях самообороны... так, да? — закричал Кеша. — Говори, или я тебя освежую, как зайца!

— Ты что, пацан... Не-ет... Я же — с обоюдного согласия... Девочка сама... Да ты потрогай ее — она вся в интересе! — задыхался от холодного лезвия мужик. — А-а! Больно... Да, так и было! На тебя хотел списать!

— Убей его, Кеша! Режь эту тварь, я отвернусь! — закричала в ярости Динара.

— Нет, я его отпускаю, — сказал медленно Кеша. — Вот карабин только конфискую. Э, да я знаю этот карабин... это же... точно! Мой. Оптику на него поставили? Это хорошо. Тогда я штук пять ваших козлов завалить успею, пока вы меня тут успокоите. Дай-ка, дружок, я у тебя карманы проверю... О, еще две обоймы. Тогда скажи им: десять. Иннокентий Урочан берет встречный план пристрелить десять козлов, пока сам не сдохнет. Десять. Раньше не лягу. А теперь — вали отсюда! — сказал Кеша и отпустил «старшого», держа его на прицеле.

— Ну, ты, пацан... — не зная, что сказать, в который раз повторил мужик.

— Хороший карабин! Кучно бьет. От дедушки Икавава в наследство достался, — нервно улыбнулся Кеша.

— Слухай, а я-то как пойду? — обернулся в дверях «старшой». — Там же матуха с медвежатами бродит. Порвет меня!

— А ты постарайся меньше пахнуть, может, не учует! — посоветовал Кеша. — А то медведи тухлятинку любят... однако.

«Старшой» ушел, но еще долго что-то орал из кустов, похоже, угрожал, но, когда Кеша вскинул карабин, стараясь рассмотреть его через оптику, крики тут же затихли, только удаляющийся треск валежника услышали они.

— Уходить тебе надо, Иннокентий! — сказала Динара после тяжелой паузы.

— Куда? — равнодушно сказал Кеша. — Я — коряк. Все, что у меня осталось, — вот эта отцовская землянка.

— Да у тебя целый мир, Кеша!

— ...где так вольно дышит человек! Ну, да... Учили.

— Нужно... нужно идти в прокуратуру, выходить в город, нужно сдаваться! Да, это риск — могут не разобраться, добавят за побег. Но есть и шанс, что вообще пересмотрят дело. Кеша, это лучше, чем просто тупо попасть под пули ОМОНа! — закричала Динара.

— Я не дойду. В эковской-то робе... первый же встречный сдаст!

— А ты... ты, Кеша, в мою одежды переоденься! Смотри, мы же один размер носим, да мы просто похожи! — начала развивать идею Динара.

— Да, только я... не ты! — сказал Кеша и засмеялся.

— Ну, это пока разберутся... Побудешь пока девочкой! Я тебя губы научу красить, глазки рисовать. Возьмешь мое удостоверение из телекомпании, с ним любые двери можно ногой открывать. Смотри, здесь на фотографии я с короткой стрижкой. Да посмотри же ты! Мы очень похожи. Не видишь? Дай-ка зеркало...

Прижавшись щеками, они пытались разглядеть в обломок зеркала два лица одновременно.

— Да, похожи... — соглашается Кеша.

— Вот и решено! Отдашь прокурору кассету из диктофона, покажешь, куда Зыков автомат выбросил, и все — пересмотр дела, свобода! Приедешь ко мне, я тебя устрою по специальности... — торопясь, сказала Динара.

— Оленеводом, что ли, в Москве? — попытался пошутить Кеша.

— Артистом!

— А ты? Как ты здесь одна будешь? Нет, это опасно! — не согласился Кеша.

— А я подожду, пока «старшой» сюда ОМОН приведет, с ними в город и вернусь. Скажу, что вот... забрал мою одежду, ушел на север, в табуны, к сородичам!

— Нет, это опасно! Они могут, однако, сразу начать на поражение стрелять! — резко сказал Кеша. — Или нам оставаться вместе, или уходить вместе!

— Остаться нельзя, тогда смерть обоим, слишком много знаем. Да и кассету уничтожат! А уходить... я же не смогу, Кеша. Я тебе обузой буду, нас догонят, — тихо сказала Динара.

Кеша молчал, закрыв глаза. Тундровый божок злился, топал ногами, и Кеша не мог понять — чего он хочет.

Динара обняла его за шею, притянула к себе:

— Иди, Кеша, иди, мой хороший! И постарайся добраться до прокуратуры, пока перевал закрыт. Пешком они сюда больше не сунутся, значит, у нас есть время.

— Это дня три тебе пересидеть, потом распогодится, — машинально сказал Кеша. — Можно успеть дойти до города.

— Успеешь?

— Успею. На трассу выйду к утру, а там на попутных КАМАЗах — четырнадцать часов, — сказал Кеша, что-то соображая. — Да, успею.

— Ты поаккуратнее там с шоферюгами! — облегченно засмеялась Динара. — Ты же будешь девочкой! Хорошенькой такой!

— Я тебе карабин оставлю! — сказал срывающимся голосом Кеша.

— Ты мне еще маузер дай и спроси — в каком полку я служила! Не надо, Кеша! Я все равно не умею стрелять. Выйдешь в город, сдашь оружие в прокуратуру. Против Зыкова будет лишний факт — нанял киллера и выдал ему конфискованное оружие. А тебе сдача карабина зачтется. А я посижу в землянке, чай попою, подумаю... о жизни. Вот, в удостоверении визитка главного редактора, вот, держи мой сотовый телефон, выйдешь в зону действия сети, позвони ему, все расскажи, пусть держит это дело на контроле. Вот диктофон, вот кассета.

— Ты словно ждала этого — все продумала, — сказал Кеша озадаченно.

— Ладно тебе! Ты меня спасал — я пытаюсь тебя спасти. Времени у нас мало. Давай, что ли, свой... костюмчик, — попыталась улыбнуться Динара.

— Это эковская роба, — сказал тихо Кеша.

— Ну... В России живем! Как говорится, от суммы да от тюрьмы не зарекайся. Хоть померить. Снимай! — командует Динара.

— Ты первая!

— Ишь, какой хитренький! Ты первый!

— Тогда раздеваемся одновременно. На счет «три»!

— Раз! Два! Три! — дает отсчет Динара.

Они сорвали с себя одежды, а потом стояли и смотрели друг на друга, стараясь запомнить.

А потом Кеша бежал по тайге. Взрывались под ногами выводки куропаток, выпрыгивала из воды напуганная рыба, удирали с треском по кустам медведи.

Он поднялся на перевал, рядом был кратер Мутновского вулкана. Дымили фумаролы, клокотала, кипела грязь в вулканическом котле, срывались с ледника глыбы и разлетались от ударов сверкающими осколками, клокотал отравленный ручей.

Кеша посидел несколько минут неподвижно, ему слышались удары бубна, горловое пение маленького коряжского идола — вот же он! — скачет в кратере вулкана и чему-то радуется.

Встало солнце и осветило перевал. Кеша встал и пошел по гребню горного хребта, и огромная его тень заплясала по тундре. Вдруг он увидел две тени, взгляделся и понял, что за ним идет, пританцовывая, маленький коряжский идол. Кеша резко обернулся — сзади никого не было, только раздавалось хихиканье, удары в бубен и древнее горловое пение.

